

32570

Эдуардъ Дріо

ЧТО ОЖИДАЕТЪ ТУРЦІЮ

~~40711.~~

Раздѣлъ ТУРЦІИ и
ОТВОЕВАНІЕ ЦАРЬГРАДА

Съ французскаго перевелъ

Н. М. Лаговъ

ПЕТРОГРАДЪ
1916

ТОГО ЖЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Книги о войнѣ

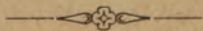
- Такъ говоритъ Германія.** Подлинныя нѣмецкіе документы и изреченія о германскихъ замыслахъ и поступкахъ.
- Желтая французская книга** дипломатическихъ документовъ, касающихся войны 1914—1915 гг.
- Сѣрая бельгійская книга** диплом. докум. и пр.
- Синяя сербская книга** диплом. докум. и пр.
- Красная австрійская книга** диплом. докум. и пр.
- Страницы славы бельгійской арміи.** Майоръ Вильямъ Марсели. Боевые подвиги. Съ 4 план. мѣстныхъ дѣйствій.
- Французскіе рассказы съ фронта.** Первый годъ войны. Съ 84 порт., видами и пр. и 19 картами и планами.
- Передъ войной.** Разоблаченія германскаго шпіонства. Леона Додэ.
- Нѣмецкое шпіонство во Франціи.** Разоблаченія Поля Лянуара.
- Конецъ Германской имперіи.** По нѣмецкимъ предсказаніямъ, собраннымъ Ляворъ.
- Организованныя преступленія германской арміи.** По офіціальнымъ даннымъ французской правительственной комиссіи.
- Чего ждетъ Германія отъ войны.** Опросъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей Германіи. Ибаньеса Ибэро.

Спорныя области

- Галичина и Арменія.** 2 книги, со многими рис., чертежами, планами и картами.
- Современная Бельгія.** Очерки матеріальнаго прогресса. Инж. Изара. Съ 21 рис. 2-ое изд.

Описаніе столицъ воюющихъ странъ

- Парижъ** (568 стр. 5-ое изд.), **Лондонъ** (360 стр.), **Римъ** (364 стр.), **Берлинъ** (415 стр.). 4 тома убористой печати, съ 286 иллюстр., 43 черт. и планами и съ дорожн. переводчиками.
- Царьградъ и окрестности.** Историко-художественное описаніе А. Барта. 284 стр. съ 58 рис. и чертеж.
- Будапешть и окрестности.** (Отъ Карпатъ до Будапешта) 80 стр. съ картой Венгріи до Будапешта, планомъ Будапешта и окрестностей и венгерско-русскимъ переводчикомъ.

32570

Эдуардъ Дріо

ЧТО ОЖИДАЕТЪ ТУРЦІЮ

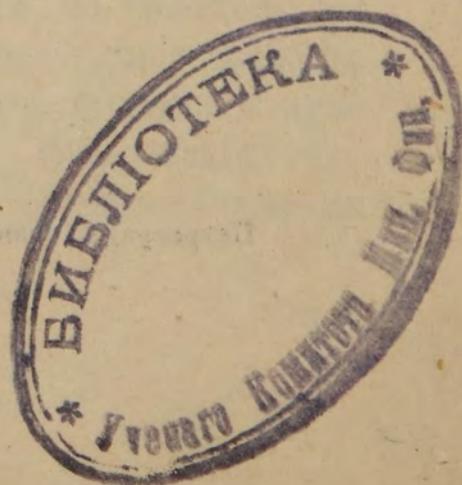
Раздѣлъ ТУРЦІИ и ОТВОЕВАНІЕ ЦАРЬГРАДА

- I. Востокъ со временъ турецкаго нашествія.**
Смыслъ турецкаго обоснованія въ Константинополѣ.—Отсту-
пленіе турокъ.—Политическія условія современнаго Ислама . 3
- II. Кризисъ 1878 — 1913 гг. (Германскій натискъ
на Востокъ).** Берлинскій договоръ и его послѣдствія.—Герман-
скій натискъ на Багдадъ.—Балканскій кризисъ (1908—1913 гг.). 24
- III. Къ развязкѣ (Рѣшеніе Восточнаго вопроса).**
Великая война (1914—1916 гг. — Предъ Царьградомъ. — Новый
Востокъ.—Кому Царьградъ и проливы? 43

Съ французскаго перевелъ

Н. М. Лаговъ

ПЕТРОГРАДЪ
1916

К

Типографія Р. Г. Шредера. Гороховая, 49.

87414

Петроградъ, дозволено военной цензурой 5-го мая 1916 г.

I

Востокъ со временъ турецкаго на- шествія

I. Смыслъ турецкаго обоснованія въ Константинополѣ.

Къ тому времени, когда Магометъ II взялъ, 29 мая 1453 года, Константинополь, прошло почти цѣлое столѣтіе, какъ оттоманскіе турки вступили въ Галлиполи на европейскую почву. Этимъ завоеваніемъ Константинополя оканчивалась вѣковая борьба наступающаго Ислама съ балканскими христіанами, — историческое явленіе составляющее полную противоположность предстоящему въ наши дни отвоеванію Царьграда, которое явится увѣнчаніемъ начавшагося болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ отступленія Ислама. Если анализировать смыслъ событія 1453 г., то путемъ противопоставленія возможно опредѣлить и значеніе событія 1915 г. Про историческія явленія можно выразиться, что онѣ развиваются волнообразно, въ тактъ гигантскимъ розмахамъ косы Сатурна.

Переходъ турокъ черезъ Переднюю Азію, задолго до ихъ прибытія въ Европу, сразу изгладилъ процвѣтавшую тамъ арабскую цивилизацію. Какъ люди монгольской расы, вышедшіе изъ глубинъ Азіи, они были не способны не только продолжить, но даже и сохранить созданіе арабовъ, а тѣмъ болѣе грековъ, такъ какъ между турками и арабами существуетъ такая же разница, какъ между турками и греками, или римлянами, или другими западными

расами. Арабы же, хотя и связаны съ турками религіей, но принадлежатъ къ бѣлой расѣ.

Оставляя въ сторонѣ этотъ религіозный вопросъ, значеніе котораго притомъ же еще нуждается въ изученіи, такъ какъ Исламъ у турокъ и у арабовъ понимается не одинаково, — турки, повидимому ничего не усвоили изъ столь утонченной и столь привлекательной культуры арабовъ. Они были тѣлохранителями багдадскихъ калифовъ и, точь-въ-точь какъ задушившіе германскій геній своей грубой солдатчиной пруссаки, никогда не поднимались выше роли воякъ. Ихъ варварство погубило Багдадъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Дамаскъ, Алеппо, Каиръ и другіе центры, которые еще не возродились до сихъ поръ.

То же самое произошло и въ Европѣ. Отъ Византіи-Константинополя лучами расходилась ослѣпительная цивилизація; христіанство на всемъ балканскомъ Востокѣ пробудило къ жизни новыя государства, которыя стремились жить и хотѣли расти, ибо жить—значить расти. Поселенные Траяномъ въ древней Дакіи римскіе колонисты уже четырнадцать вѣковъ были окончательными хозяевами всей области нижняго Дуная и столь латинской, по самому ея названію, Трансильваніи, куда они временно отходили, чтобы дать прокатиться волнамъ славянскихъ нашествій. А отъ этихъ самыхъ нашествій, къ югу отъ великой рѣки, народились болгарское и сербское государства. Рано обратившись въ христіанство, они тоже пережили свои времена славы. Въ XIII вѣкѣ Великая Болгарія доходила до самыхъ воротъ Константинополя. Потомъ надъ большею частью полуострова царствовала сербская династія Нѣмановъ (сербско-болгарское соперничество почти такъ же старо, какъ сами Балканы). Правившій же сперва въ Ужицѣ какъ сербскій король, а потомъ въ Ускюбѣ какъ сербскій императоръ, Стефанъ Душанъ дошелъ до самыхъ береговъ Эгейскаго

моря и до окрестностей Босфора. Онъ преждевременно скончался въ 1355 году. А въ 1356 году оттоманскіе турки достигли Галлипольскаго полуострова. Нѣсколько лѣтъ спустя, 15 іюня 1389 года, на Коссовомъ полѣ, отъ котораго къ сѣверу и югу спускаются всѣ главныя долины Балканъ, турки разгромили послѣднюю сербскую армію и болѣе чѣмъ на четырехвѣковой срокъ основали свое господство надъ всѣмъ полуостровомъ, вплоть до Савы и даже за Дунай.

Даже Греція и вся Византійская имперія устояли предъ ними не очень долго. Тамъ, вокругъ Константинополя, еще со временъ Константина Великаго возникъ одинъ изъ изумительнѣйшихъ, какіе только удавалось когда-либо создавать человѣчеству, очаговъ цивилизаціи. Можетъ быть вслѣдствіе церковнаго раскола или вслѣдствіе еще болѣе глубокаго соперничества, происхождение котораго надо искать въ глубокой древности, но на Западѣ, а въ подражаніе ему и въ Россіи, довольно часто худо судятъ объ этой цивилизаціи. Выраженіямъ «византиецъ» и «византизмъ» присвоили неблагодарный и совершенно несправедливый смыслъ. За этимъ политическимъ и соціальнымъ міромъ установилась молва объ испорченности нравовъ. Но вѣдь испорченныя формы человѣческаго строя не существуютъ такъ долго. Между тѣмъ долготлѣтія Византіи не достигъ даже Римъ, великій и сильный императорскій Римъ, который уже въ V вѣкѣ рухнулъ отъ нашествія тевтонскихъ варваровъ. Константинополь же со славою продержался еще тысячу лѣтъ и оказался въ силахъ въ первый разъ организовать Востокъ. Онъ обратился въ православіе почти всѣ славянскіе народы, вплоть до Чехіи, вплоть до Урала; онъ ихъ просвѣтилъ; онъ сгруппировалъ ихъ въ политическіе организмы, въ націи; онъ ввелъ Русь, святую кіевскую, новгородскую и московскую Русь въ лоно средиземноморской цивилизаціи. Онъ правилъ, къ сѣверу отъ странъ съ арабской

цивилизацией, надъ всѣмъ греческимъ міромъ, умственные и духовныя качества котораго въ эти времена тоже проявили себя въ необычайномъ блескѣ...

И все это великое прошлое, все многообѣщающее будущее на цѣлые вѣка раздавлено было натискомъ чистаго варварства, вылившагося въ событіи 1453 года. Послѣдній императоръ Константинополя, Константинъ Палеологъ, геройски погибъ на стѣнахъ своей столицы, — подвигъ для византійскаго императора не малый. Въ самый день своей побѣды Магометъ Завоеватель ворвался въ храмъ Святой Софіи.

Къ наружнымъ стѣнамъ Святой Софіи турки приставили мусульманскіе минареты. Но они не посмѣли разрушить на внутреннихъ стѣнахъ храма золотыя мозаики, на которыхъ еще до сихъ поръ живутъ христіанскія легенды; они ограничились тѣмъ, что покрыли ихъ слоемъ извести, по которому размалевали стихи изъ Корана.

Племянница послѣдняго императора Константина, Софія Палеологъ, укрылась въ Римѣ у папы. При его содѣйствіи она вышла замужъ за московскаго царя Ивана III. Не символъ ли это, что московскіе цари изъ рукъ папы получили права на унаслѣдованіе Царьграда? Можетъ быть великое распаденіе Церквей не такое непоправимое дѣло: вѣдь у грековъ и латинянъ одинъ и тотъ же врагъ...

Подъ турецкимъ владычествомъ Востокъ какъ бы окаменѣлъ. И европейскіе купцы, чтобы пробраться въ Индію, долгое время, вплоть до Фердинанда Лессепса, должны были огибать мысъ Доброй Надежды или даже Америку.

И все-таки, даже среди этого всеобщаго умственного и экономическаго разрушенія, здѣсь тлѣлись искры западнаго свѣта и сулили лучшее будущее, такъ какъ туркамъ никогда не удавалось достигнуть серьезной мор-

ской силы. За исключеніемъ нѣсколькихъ пиратовъ ¹⁾ они никогда не владычествовали надъ Средиземнымъ моремъ. Коммерческія операціи они предоставили Венеціи и Франціи.

Послѣ Крестоваго похода 1204 года черезъ Константинополь, Венеція осталась владычицей трехъ восьмыхъ пространства греческой имперіи. Она встрѣтила здѣсь слѣды древняго римскаго владычества, которое, помимо Македоніи и Ахеи, по анатолійскому берегу, вокругъ Цергама, организовали здѣсь когда-то богатую азіатскую провинцію. Продолжая старое свое соперничество съ Генуэй, Венеція распространила свое владычество до самыхъ отдаленныхъ береговъ Чернаго моря; обѣ же вмѣстѣ онѣ указали Италіи ея мѣсто на этихъ берегахъ. Въ частности, Венеція въ теченіе всего нововѣкового періода, почти вплоть до нашихъ дней, держала въ своихъ рукахъ островъ Критъ, Іоническіе острова и всю Далмацію; только въ концѣ XVIII вѣка Бонапартъ, по мирному договору въ Кампо-Форміо, водворилъ Австрію на берегахъ Адріатическаго моря.

Франція на Левантѣ была еще могущественнѣе, такъ какъ она занималась здѣсь не одной только торговлей. Она въ особенности проводила здѣсь политику чувства. «Святой эгоизмъ» не всегда бываетъ самымъ полезнымъ и самымъ удобнымъ инструментомъ. Не говоря о галлахъ, нѣсколько племенъ которыхъ основались въ самомъ сердцѣ Малой Азіи, въ Галатіи, Франція принимала крупное участіе и въ Крестовыхъ походахъ — *Cesta Dei per Francos*. Четвертый Крестовый походъ, перенесенный на венеціанскихъ корабляхъ къ самому Константинополю, закончился даже основаніемъ, положимъ недолговѣчной,

¹⁾ Самый знаменитый изъ нихъ — корсарь Хайррэдінъ Барбарусса, при Сулейманѣ навелъ ужасъ на все Средиземное море и руководилъ двумя походами, направленными изъ Алжира и Туниса противъ императора Карла V.

Латинской феодальной имперіи, главными руководителями которой были французскіе рыцари.

Потомъ, когда австрійская династія во времена Карла Квинта замыслила утвердить свою власть надъ всей Европой, Франція нашла удачный выходъ въ союзъ съ Турціей, какъ въ наши дни въ союзъ съ Россіей она стремится отклонить новую нѣмецкую опасность. Такова была политика Франсуа I; къ великому смущенію христіанскаго міра онъ Крестъ сочеталъ съ Полумѣсяцемъ. Великій замыселъ Карла Квинта разрушенъ былъ нашествіемъ турокъ, которые проникли до самаго сердца Венгріи, и съ тѣхъ поръ имперія Габсбурговъ раскололась на два куска. Турція, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Польшей и Швеціей служила въ политикѣ французскихъ королей главнымъ элементомъ того, что въ тѣ времена звали «Восточнымъ барьеромъ»; и она долгое время съ пользой служила имъ также для сдерживанія роста нѣмецкихъ притязаній.

Франція въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ имѣла на Востокѣ преобладающее значеніе. Франсуа I добился отъ Солимана Великолѣпнаго учрежденія режима Капитуляцій, который былъ подтвержденъ и расширенъ при Луи XV въ 1740 г. Имъ обезпеченъ былъ за Франціей протекторатъ надъ всѣми католиками Востока и почти полная монополія торговыхъ сношеній на всемъ пространствѣ между Константинополемъ и Александріей. Французскіе послы, — всѣ эти Савари-дэ-Брэвъ, Нуантэли, Вильнэвъ, Вержени, Себастіани, — пользовались у султановъ исключительнымъ авторитетомъ и были какъ бы на положеніи христіанскихъ вице-королей Оттоманской имперіи. Вполнѣ справедливо говорили, что Левантъ въ XVIII вѣкѣ былъ самой лучшей колоніей Франціи. Въ эту эпоху никакая иная держава не могла соперничать съ нею въ средиземноморской зонѣ; и Франція мало-по-малу развила здѣсь благотворное вліяніе своихъ идей, она готовила здѣсь на почвѣ

терпимости примѣреніе «невѣрныхъ» съ ихъ подданными христіанами.

II. Отступленіе турокъ.

Въ теченіе двухъ столѣтій, XVI и XVII, армія янычаровъ хранила всю свою наступательную силу. Владѣя Буда-Пештомъ и всей Венгріей, турки замыслили даже овладѣть и Вѣной (1683 г.).

Это было ихъ послѣднимъ усиленіемъ; и отъ него, казалось, зашатался весь христіанскій міръ. Паденія Вѣны, этого бульвара Церкви, не захотѣла допустить Польша; со своимъ храбрымъ королемъ Яномъ Собѣскимъ во главѣ, она поднялась вся цѣликомъ и примчалась къ берегамъ Дуная; ради спасенія Австріи она дала большое сраженіе при Каленбергѣ. Она побѣдила, и турецкая волна откатилась назадъ, внизъ по теченію Дуная. Отъ этого разгрома туркамъ никогда больше не суждено было оправиться. Съ тѣхъ поръ они неизмѣнно отступали предъ наступавшими на нихъ со всѣхъ четырехъ странъ свѣта противниками.

Прежде всего отомстила за свои, перенесенные во времена Карла Квинта, разгромы Австрія. Принцъ Евгений одержалъ надъ Турціей такіе успѣхи, которые обезсмертили его имя. Онъ отвоевалъ всю Венгрію и Трансильванію. Границы Австріи онъ раздвинулъ до Савы и до Хорватіи. Вдоль береговъ Савы онъ организовалъ особую пограничную полосу, которая съ тѣхъ поръ осталась непреодолимой; она получила названіе «Военной Границы». Хорваты пріобрѣли здѣсь такую воинственную репутацію, слава о которой распространилась по всей Европѣ. Точно также въ началѣ XVIII столѣтія австрійскія арміи перешли Саву, заняли турецкую въ то время Сербію, взяли Бѣлградъ и большое пространство страны и намѣтили этапъ на пути къ Салоникамъ. Ихъ остановило вмѣшательство Франціи. Французскій посолъ въ Константинополѣ, маркизь

дэ-Вильнэвъ, повелѣ противъ Австріи удивительную дипломатическую кампанію, дѣйствительность которой поддержана была турецкими войсками. Онъ самъ отправился въ ставку великаго визиря и былъ достаточно счастливъ, чтобы принудить вѣнское правительство къ бѣлградскому миру (1739 г.), по которому австрійская граница снова отодвинута была къ Савѣ. Возможно, что именно этому событію Сербія обязана нынѣшней своей независимостью, ибо ей, конечно, легче было стряхнуть съ себя турецкое, чѣмъ австрійское иго.

Еще сильнѣе былъ натискъ Россіи къ Черному морю и низовьямъ Дуная; этотъ натискъ и не могъ имѣть иного направленія, такъ какъ именно въ эту сторону тянули всѣ интересы и традиціи. Уже Петръ Великій пытался открыть черезъ Азовъ окно въ Черное море. Екатерина II рѣшительно двинула Россію на «Византійскую дорогу». Согласившись, противъ желанія, на раздѣлъ Польши, она заняла Крымъ, основала Севастополь и Одессу. Она колонизовала Новороссію, области Днѣпра и Дона, то-есть богатѣйшія черноземныя равнины, которымъ суждено было потомъ стать житницей Европы. Она обновила религіозныя воспоминанія, которыя тѣсно связывали Россію съ Царыградомъ, но въ особенности, развивая производительныя силы Россіи, она выяснила необходимость для страны имѣть свободные выходы къ морю. Она съ непреодолимой силой двинула Россію къ Средиземному морю, и съ тѣхъ поръ у русскихъ императоровъ не могло быть никакой иной политики.

Но Франція въ это время также царила надъ Средиземнымъ моремъ и вслѣдствіе этого не могла не противо-дѣйствовать притязаніямъ Россіи. Она все время поддерживала противъ Екатерины ея враговъ: Швецію, Польшу и Турцію; она употребляла всѣ свои, по меньшей мѣрѣ, дипломатическіе успѣхи къ поддержанію своей традиціонной системы «Восточнаго барьера».

Это было основной чертой политики Наполеона. Разумѣется, всего въ ней нельзя объяснять этимъ соперничествомъ съ Россіей; въ Германіи, въ Италіи и на моряхъ у Наполеона тоже, конечно, осуществлялись извѣстные планы и проявлялась дѣятельность, которыхъ нельзя объяснять одними восточными интересами. Однако несомнѣнно, что въ послѣдніе годы его царствованія русскій натискъ былъ главнымъ предметомъ его заботъ, ибо именно онъ толкнулъ его предпринять свой русскій походъ. Пора, дѣйствительно, отказаться отъ заблужденія, будто въ отношеніяхъ Александра I и Наполеона уже кроются происхождение и блестящія проявленія франко-русскаго союза. На самомъ дѣлѣ происходило нѣчто почти противоположное тому, что обычно принято думать. Неуравновѣшенный Павелъ I, несомнѣнно, мечталъ о франко-русскомъ походѣ на англичанъ въ Индіи; несомнѣнно, что Наполеонъ и Александръ обмѣнивались любезностями въ Тильзитѣ, а въ Эрфуртѣ вмѣстѣ смотрѣли комедію, въ театральномъ залѣ съ наполненнымъ королями партеромъ. Тѣмъ не менѣе возможно утверждать, что при первой Имперіи никогда не возникало идеи франко-русскаго союза, но скорѣе, наоборотъ, существовало постоянное страстное соперничество, которое Тильзитскимъ свиданіемъ прервано было только на нѣсколько мѣсяцевъ. Франція и Россія все время, отъ Аустерлица и Фридланда до Москвы и Березины, оспаривали другъ у друга Востокъ. Наполеонъ, унаслѣдовавшій традиціи королевской политики и претендовавшій возстановить императорскій титулъ во всемъ объемѣ его историческаго значенія, не хотѣлъ позволить, чтобы Россія достигла Средиземнаго моря. «Константинополь!—восклидалъ онъ.—Но вѣдь кто будетъ хозяиномъ Константинополя, тотъ будетъ хозяиномъ міра!» Поэтому онъ не хотѣлъ уступить русскимъ Константинополь; онъ собирался отбросить ихъ на сѣверъ отъ Дуная, прочь отъ Чернаго моря, въ Азію; начисто отрѣзать имъ путь распространенія къ европей-

скимъ морямъ. Возможно, что онъ и не могъ вести иной политики, но на этомъ онъ потерялъ свою корону.

Не поэтому ли при Реставраціи Франція и Россія вмѣстѣ работали надъ независимостью Греціи и сообща громили изъ пушекъ Наваринъ. Еще неизвѣстно, слились ли уже тогда ихъ интересы: потому что Россіи въ особенности хотѣлось посредствомъ расчлененія ослабить Турцію; Франція же и Англія озабочены были тѣмъ, чтобы воздвигнуть предъ Россіей новую преграду въ видѣ молодого и стойкаго государства. Наваринъ, во всякомъ случаѣ, въ долгомъ традиціонномъ франко-русскомъ соперничествѣ былъ только мимолетной случайностью; а соперничество ихъ все еще продолжалось даже въ теченіе большей части XIX столѣтія.

Когда, при Луи-Филиппѣ, Франція оказала египетскому пашѣ Мехмету-Али поддержку противъ султана Махмуда, то Россія, подобно Англіи, испугалась такого распространенія французскаго вліянія на Востокъ. Она вступила въ 1840 г. въ Четверной Союзъ и содѣйствовала паденію Тьера. Пользы ей отъ этого, правда, оказалось немного, такъ какъ событіе это привело къ Конвенціи о Проливахъ (15 іюля 1841 г.), — той пресловутой конвенціи, которая, обезпечивъ нейтралитетъ Дарданеллъ и Босфора, заперла Россію въ Черномъ морѣ и къ ея ущербу создала такой порядокъ вещей, отъ котораго она не могла освободиться до нашихъ дней.

Точно также и Крымскую войну нельзя разсматривать, какъ какую-то случайность; наоборотъ, она была нормальнымъ проявленіемъ того же вѣкового соперничества между Франціей и Россіей. Вопросъ о Святой Землѣ не былъ простой «ссорой монарховъ»; онъ обнаружилъ глубокое и доселѣ непримиримое соперничество православной и католической Церквей. Можетъ быть, дѣйствительно, католическая Церковь пользуется въ Палестинѣ болѣе древними, или по меньшей мѣрѣ ранѣе признанными

константинопольскими султанами преимуществами; но православная Церковь тоже претендует на право со стольким же усердіемъ чтить прославленные жизнью и кончиной Спасителя мѣста. Эти два, лишь по внѣшности соперничающія, усилія несомнѣнно когда-нибудь будутъ примирены; но для этого потребуется большое усиліе духа терпимости. Достаточно вспомнить, что сто лѣтъ тому назадъ, Александръ I уже питалъ мысль о сближеніи со Святѣйшимъ Престоломъ.

Поэтому крымская война разразилась лишь благодаря тому, что русскій императоръ желалъ обезпечить за собой покровительство турецкихъ православныхъ. Франція одержала здѣсь нѣсколько изъ самыхъ блестящихъ своихъ побѣдъ: Альму, Инкерманъ, Малаховъ, Севастополь; потомъ она, вмѣстѣ съ Англіей, нанесла Россіи новый ударъ, установивъ Парижскимъ трактатомъ 1856 года нейтралитетъ Чернаго моря, иначе говоря, воспретивъ имѣть на немъ военные флоты и порты; обезоруженная, отброшенная въ свои степи, въ Азію Россія — вотъ въ чемъ была цѣль политики Наполеона I, а также и политики старыхъ французскихъ королей, словомъ традиціонной французской политики.

Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ III дипломатически вступился за возставшую противъ Россіи Польшу.

Представляется вполне естественнымъ, что Россія воспользовалась разгромомъ Франціи. Вслѣдъ за мецкой капитуляціей въ октябрѣ 1870 года русскій канцлеръ Горчаковъ извѣстилъ всѣ европейскіе Кабинеты о намѣреніи его правительства не соблюдать болѣе нейтралитета Чернаго моря; и Лондонской конференціи пришлось зарегистрировать исчезновеніе этого существеннѣйшаго результата Крымской войны; такимъ образомъ французскія побѣды подъ Севастополемъ, безъ всякой выгоды для Франціи, послужили лишь къ тому, что, къ величайшей выгодѣ Берлина, раздражили с.-петербургское правитель-

ство противъ Франціи. Здѣсь можно отыскать нѣкоторыя изъ причинъ паденія второй Имперіи, какъ это было и съ первой.

Даже въ концѣ Русско-Турецкой войны, въ 1878 г., во время Берлинскаго конгресса Франція помогала Англіи, Германіи и Австріи вырвать у Россіи существеннѣйшіе плоды ея побѣдъ и лишить ее какого-либо вліянія на новое Болгарское княжество.

Восточная политика Франціи была такимъ образомъ весьма опредѣленной какъ во времена королей, такъ и императоровъ и даже Республики; она состояла въ воспрепятствованіи Россіи доступа къ Средиземному морю, чтобы обереечь старинныя преимущества Франціи на Левантѣ и обезпечить независимость Турціи, которая была теперь единственнымъ остаткомъ старинной системы «Восточнаго барьера».

Но, несмотря на всѣ эти усилія, Турція шла къ неизбѣжной гибели. Франція однако считала за честь до конца оставаться вѣрной своимъ традиціямъ. Она пыталась ввести ее въ семью цивилизованныхъ націй, прививала ей уваженіе ко всякимъ вѣрованіямъ и побуждала ее оставить варварскую систему преслѣдованія всѣхъ «руми». Она думала, что младотурки, первой вдохновительницей которыхъ она была, окажутся способными установить такой жизнеспособный строй, при которомъ христіанскіе народы, подъ просвѣщенной властью султана, будутъ, наконецъ, пользоваться основными свободами. Викторъ Дюрюи основалъ въ 1868 году въ Константинополѣ Галатскій лицей, гдѣ выписанные изъ Франціи профессора должны были прививать молодымъ людямъ безъ различія вѣроисповѣданій главную политическую добродѣтель—терпимость. Эта благородная затѣя погибла вмѣстѣ съ французскими неудачами 1870 года.

А Турція, подъ дѣйствіемъ роковой силы, или точнѣе въ силу опредѣленныхъ глубокихъ причинъ, продолжала

распадаться съ такою быстротою, которая предвѣщала скорый ея конецъ, чему изо всѣхъ своихъ силъ содѣйствовала Россія.

Послѣ потери Греціи и Сербіи, султанъ вслѣдъ за побѣдами союзниковъ въ Крыму, потерялъ княжества Молдавію и Валахію, которыя образовали Румынское королевство; затѣмъ, разбитый русскими въ 1878 г., онъ рисковалъ потерять всѣ свои европейскія владѣнія; но по меньшей мѣрѣ потерялъ Болгарію, которая образовалась у самыхъ стѣнъ Адрианополя и не очень далеко отъ Царьграда.

Султанъ, казалось, правилъ въ Европѣ только благодаря европейскому соперничеству; иногда это его забавляло, но въ то же время не мѣшало неизмѣнно идти къ паденію.

За послѣдніе двѣсти лѣтъ, съ конца XVII по конецъ XIX вѣка, отступленіе турокъ отъ Будапешта до окрестностей Константинополя, представляется неоспоримымъ фактомъ. Противъ такого теченія борьба невозможна.

III. Политическія условія современнаго Ислама.

Эти разсужденія примѣнимы и ко всѣмъ прочимъ мусульманскимъ государствамъ, нѣкоторые изъ коихъ были столь же могущественны и славны, какъ и Оттоманская имперія. Чѣмъ это объясняется? Является ли это результатомъ самой магометанской религіи, которая способна возбудить на короткое время энтузіазмъ священной войны, но неспособна поддерживать напряженіе въ пору испытаній и въ то же время располагаетъ къ фаталистической покорности судьбѣ? Является ли это результатомъ климата тѣхъ странъ, гдѣ образовались исламическія имперіи? Ибо область ихъ, отъ Индіи и Турана до Нигера и Конго, почти вполнѣ совпадая съ пустынями, прерываемыми оазисами несравненной красоты, располагаетъ къ поэтическимъ мечтамъ, къ изнѣженности отъ наслажденій.

Что бы там ни было, а въ этихъ неизмѣримыхъ и чудныхъ предѣлахъ, какъ въ Азіи, такъ и въ Африкѣ, Исламъ, особенно за послѣдній вѣкъ, почти цѣликомъ подпалъ подъ власть великихъ христіанскихъ державъ. Къ этому явленію нужно отнести съ особеннымъ вниманіемъ. Это основной фактъ Восточнаго вопроса въ его современной формѣ.

Россія въ Азіи кажется законной наслѣдницей великихъ монгольскихъ имперій. Азія съ начала историческихъ временъ была театромъ великихъ переселеній народовъ, нѣкоторые изъ коихъ доходили почти до крайнихъ предѣловъ западной Европы. Гунны Аттилы достигли почти Марны и тоже были разбиты на Каталаунскихъ (нынѣ Шалонскихъ) равнинахъ; отъ нихъ только нѣсколько племенъ остались въ долинѣ Дуная. Потомъ монголы синяго знамени, подъ управленіемъ великаго Чингисъ-Хана, основали колоссальную имперію, простиравшуюся отъ Китая до береговъ Балтійскаго моря, и въ которой Россія вплоть до середины XIV столѣтія составляла только одну изъ провинцій. Наконецъ, въ началѣ XV столѣтія Тамерланъ основалъ, какъ извѣстно, новую имперію со столицей Самаркандомъ и распростершуюся отъ Малой Азіи до центра Индіи.

И, можетъ быть, это еще не было послѣднимъ напряженіемъ монгольскихъ нашествій. Кто знаетъ, что европейскій Западъ не увидитъ еще когда-нибудь густыя массы желтолицыхъ, опустошающихъ его плодородныя страны? Вѣдь мечталъ же когда-то прославившійся теперь кайзеръ Вильгельмъ II предводительствовать христіанскими европейскими народами въ походѣ на дальневосточнаго Будду...

Въ дѣйствительности же, это — русскіе со славою ведутъ съ запада на востокъ европейскій отливъ въ Азію. Давно уже оттѣсненные соперничающими державами — Франціей, Англіей, а нынѣ Германіей — со своей византій-

ской дороги русскіе осуществили за послѣднее столѣтіе въ центральной Азіи великолѣпный прогрессъ, который даетъ наилучшее представленіе объ ихъ политическихъ и военныхъ способностяхъ. Вслѣдъ за Крымской войной, когда Черное море для ихъ предпримчивости временно было закрыто, русскіе завоевали восточный Туркестанъ и богатые области Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи; они взяли Ташкентъ и Бухару. Въ 1868 году въ ихъ руки перешла столица Тамерлана—Самаркандъ; и это событіе громкимъ эхомъ отозвалось по всей Азіи; что значила предъ этимъ ихъ маленькая неудача подъ Севастополемъ! Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно, что Россія со временъ Петра Великаго безпрепятственно разросталась во всѣхъ направленіяхъ, что ея могущественнѣйшіе враги, Наполеонъ и Бисмаркъ, могли сдерживать ее всегда только временно? То были короткія остановки, отъ которыхъ дальнѣйшій ея натискъ становился только еще сильнѣе!

По окончаніи Турецкой войны генералы Скобелевъ и Анненковъ, покореніемъ областей, расположенныхъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, закончили завоеваніе Туркестана. Побѣжденный въ своей твердынѣ, Геокъ-Тепе, въ 1881 году послѣдній вождь туркменъ, Токма-Садаръ не хотѣлъ скрывать своего преклоненія предъ своими побѣдителями, и просилъ чести служить въ войскахъ петербургскаго «Великаго Бѣлаго Царя», и былъ назначенъ командиромъ казачьей сотни. Эти упорные бойцы пустынь не признаютъ никакихъ иныхъ увлеченій, кромѣ войны и, подобно казакамъ, составляютъ въ русской арміи перво разрядный наступательный аппаратъ. Уже въ ближайшее за этими событіями время объявился русскій замыселъ натиска на англійскую Индію, къ Индійскому океану; и чтобы примирить столь противорѣчивые планы, потребовалось все миролюбіе царя Александра III и великаго англійскаго министра Гладстона.

Въ предѣлахъ, по меньшей мѣрѣ, отъ Чернаго моря

до Монголіи и до границъ Индіи русскимъ, повидимому, суждено объединить подъ своей властью всѣ тюркскія племена. Они тяготѣютъ къ сѣверной Персіи; и туркменской династіи, правящей въ Тегеранѣ, въ будущемъ предстоитъ занять мѣсто въ числѣ русскихъ вассаловъ, на ряду съ хивинскимъ ханомъ и съ бухарскимъ эмиромъ. Такова же вскорѣ будетъ участь и оттоманскихъ турокъ.

* *

А на другомъ концѣ мусульманскаго міра главной наслѣдницей блестящихъ арабскихъ имперій, придавшихъ сѣверной Африкѣ ея сохранившуюся доселѣ физіономію, является Франція. Ея доля лучше, чѣмъ у Россіи, такъ какъ арабы принадлежатъ къ бѣлой расѣ и въ теченіе многихъ вѣковъ оказывали и въ ближайшемъ будущемъ окажутъ еще изумительное содѣйствіе всемірной цивилизаціи. Вокругъ Феца и Кэруана, подобно тому какъ вокругъ Каира и Дамаска или Багдада, когда-то существовали могучія имперіи съ огромной умственной и художественной дѣятельностью; и потомки ихъ тоже, несомнѣнно, способны достигнуть замѣчательной культуры.

Скоро шесть столѣтій, какъ Франція стала великой христіанской державой арабскаго міра, и эти народы очень долго, почти до нашихъ дней не знали другихъ христіанъ, кромѣ «франковъ». Теперь французы снова двинулись въ Марокко, и уже скоро сто лѣтъ, какъ Франція твердой ногой стала въ сѣверной Африкѣ, въ Алжирѣ.

Вообще Франція обезпечила за собой въ сѣверной Африкѣ гораздо больше, чѣмъ она унаслѣдовала отъ античнаго Рима, и задачи ея тамъ гораздо выше. Минуя плоскогорія, черезъ которыя никогда не проходили римляне, пустыни, предъ которыми они трепетали, она дошла до Сенегала, до Судана, до экватора, до самыхъ предѣловъ мусульманскаго міра на грани Черной Индіи; она создала тамъ для себя цѣлую необозримую имперію, открыла тамъ

неизвѣстные до нея пути неисчислимой цѣнности. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, теперь же оцѣнить значеніе такой дороги, которая пройдетъ отъ Лондона черезъ Парижъ, Марсэль, Алжиръ, Чадъ и пр. вплоть до мыса Доброй Надежды! Или же такого, напримѣръ, пути, который направится изъ Петрограда, черезъ Вѣну, Римъ, Бизэрту и Дакаръ въ Ріо-ди-Жанейро.

По справедливости надо сказать, что величіе Рима было крохотно въ сравненіи съ величіемъ Франціи, которая къ тому же еще не окончила свою карьеру.

* *
*

Какъ жаль, что Франція не сумѣла сохранить Египта! Не потому ли это, случилось, что она не достаточно хорошо знала исторію, или, по меньшей мѣрѣ, не прониклась ея уроками? Отъ Крестовыхъ походовъ у Франціи осталась чтимая память Св. Людовика. Капитуляціи открыли для Франціи рынки Александріи, Бейрута и Яффы. Знаменитый Лейбницъ совѣтовалъ Луи XIV завладѣть Египтомъ. Бонапартъ велъ на берегахъ Нила, потомъ въ Сиріи до самой Акры походъ за престижъ и воскрешеніе. вмѣстѣ со сопровождавшими его учеными онъ основалъ Каирскій институтъ; одинъ изъ его офицеровъ открылъ знаменитый Розеттскій камень, благодаря которому Шанпольону удалось проникнуть въ тайну гіероглифовъ; Марьетъ открылъ на стѣнахъ и гранитныхъ колоннахъ трудолюбивый и озаренный славою Египетъ фараоновъ. Фердинандъ Лессепсъ прорѣзалъ песчаный перешеекъ, который отдѣляетъ Средиземное море отъ Индійскаго океана; онъ открылъ (17 ноября 1869 года) Суэзскій каналъ, представляющій собою міровой путь, ведущій изъ Европы въ южную Азію, въ восточную Африку, въ Австралію, въ Тихій Океанъ. Онъ поставилъ Египетъ на перекресткѣ континентовъ, на большой дорогѣ народовъ. За это открытіе древняго Египта и за открытіе

новаго Египта съ безконечнымъ будущимъ, Франція имѣла полное право остаться въ немъ хозяйкой. Она должна была руководить его судьбами.

И чтобы погубить эти великія обѣтованія, оказалось достаточнымъ ничтожныхъ случайностей, жалкихъ личныхъ ошибокъ. Нуждаясь въ деньгахъ, хедивъ Измаиль-паша въ 1873 году предложилъ Франціи продать ей имѣвшіяся у него 177.000 акцій Суэзской компаніи. Французское правительство, только-что переживъ войну 1870 года и заплативъ Германіи тяжелую контрибуцію, не сочло возможнымъ позволить себѣ подобную роскошь; но это была не роскошь, а выгодное дѣло первостепенной необходимости. Тогда хедивъ адресовался къ Англіи, которая оказалась разсудительнѣе и купила у него весь запасъ продававшихся акцій; она заплатила за нихъ 100 милліоновъ; а нынѣ онѣ стоятъ около милліарда.

Съ этихъ поръ Англія, помимо своего политическаго положенія, имѣла въ Египтѣ и равные съ Франціей денежные интересы. Она явилась, образно говоря, въ одиннадцатъ часовъ, но сразу догнала опередившую ее Францію. Франція же упорствовала въ своемъ заблужденіи, такъ какъ не признавала и не признаетъ значенія своихъ внѣшнихъ интересовъ, такъ какъ, не зная своей собственной исторіи, даже самыхъ прекрасныхъ ея страницъ, по невѣдѣнію обанкротилась.

Въ 1882 году египетская націоналистическая партія хотѣла освободиться отъ иностраннаго вліянія и начала жестоко преслѣдовать обосновавшихся въ странѣ европейцевъ. Для защиты своихъ подданныхъ Франціи и Англіи пришлось отправить туда флоты. Но когда надо было дѣйствовать, палата депутатовъ,—изъ страха совершенно невѣроятнаго конфликта съ Англіей, изъ боязни дѣйствовать и рисковать, словомъ по слабости,—воспротивилась этому. И англичане одни возстановили въ Египтѣ порядокъ и преспокойно въ немъ основались.

Проигравъ, благодаря своей же ошибкѣ, это дѣло, парижское правительство и затѣмъ повело худую игру. Оно отказывалось признать вызванныя имъ же самимъ событія. Оно двадцать лѣтъ требовало отъ Англіи эвакуаціи Египта и, благодаря своему финансовому положенію въ странѣ, отказывало ей въ необходимыхъ для экономическаго развитія страны средствахъ, принуждая ее такимъ образомъ обходиться своими собственными средствами, чѣмъ только увеличивалась цѣнность англійскихъ правъ. Оно даже рискнуло на авантюру. Воспользовавшись тѣмъ, что магдизмъ вырвалъ изъ-подъ англо-египетскаго владѣчества весь восточный Суданъ, оно отправило въ Конго экспедицію Маршана и создало фашодскій инцидентъ.

Англія, разумѣется, защищалась. Она имѣла за собой всѣ свои права, ея офицеры за сорокъ лѣтъ до Маршана, изслѣдовали страну и открыли источники Нила. До востанія рабовладѣльцевъ, Египетъ владѣлъ почти всѣмъ Суданомъ, до самаго экватора; и для Франціи было далеко не почетно воспользоваться этимъ, чтобы занять здѣсь себѣ мѣсто. Дипломатическое положеніе Франціи было ложное; ея военныя и морскія силы — хрупкія. Тѣмъ не менѣе она не доиграла эту дурную партію со своими худыми картами, отозвала Маршана изъ Фашоды черезъ Красное море и предоставила англичанамъ весь бассейнъ Нила.

Помимо своей собственной цѣнности, Египетъ для англичанъ представляетъ еще тотъ интересъ, что служить дорогой въ Индію и въ южную Азію. Англійская имперія, можно сказать, является преимущественно имперіей Индійскаго океана, который есть не что иное, какъ англійское озеро, такъ какъ всѣ берега его, кромѣ Мадагаскара, принадлежатъ англичанамъ. Такимъ образомъ, для самой безопасности этой имперіи, Англіи необходима возможность свободного туда доступа.

По правдѣ говоря, всѣ прочія владѣнія Великобританіи, Канада, Австралія и даже южная Африка, скорѣе пред-

ставляютъ собою самостоятельныя государства, тѣсно и законно впрочемъ связанныя съ ихъ метрополіей. Британская же имперія это по преимуществу—Индія съ ея 300 милліоновъ жителей, съ ея историческимъ прошлымъ и ея неисчислимыми ресурсами.

Для завоеваніи ея Англія, съ тѣхъ временъ, какъ она начала, при Луи XV, вытѣснять оттуда тоже Францію, потребовалось больше столѣтій. Это было дѣломъ долгаго времени, удивительной настойчивости, разумной податливости,—истинный шедевръ британской политики новаго времени. И теперь еще сюда направлены всѣ ея имперіалистическія заботы; что и справедливо.

Послѣднимъ ея напряженіемъ здѣсь было подавленіе бунта сипаевъ въ 1857 году. Тревога была огромная. Она разрѣшилась безъ крупныхъ несчастій. Урокъ же этотъ не пропалъ даромъ. Остъ-индская Компанія, эта «большая лондонская барыня», которая, разумѣется, преслѣдовала лишь торговые интересы,—замѣнена была непосредственно короннымъ правительствомъ. Королева Викторія въ 1876 году приняла титулъ императрицы Индіи, который съ тѣхъ поръ остался дополненіемъ королевскаго титула. Въ 1911 году король Джорджъ V и королева Мэри отправились присутствовать на большомъ дурбарѣ въ Дэли. Древняя столица монгольскихъ императоровъ, Дэли, провозглашена была столицей британской Индіи. Такъ вновь скована была цѣпь временъ. Владѣлица странъ къ западу и къ востоку отъ Индіи, береговъ Аравіи и Персидскаго залива, западнаго Индо-Китая и нѣсколькихъ пунктовъ на китайскомъ берегу,—Англія занимаетъ съ этихъ поръ, подобно Франціи и Россіи, положеніе великой мусульманской державы. Распростершись отъ Египта, черезъ Месопотамію, Иранъ и Афганистанъ, до Индіи, она вклинивается между Франціей въ Африкѣ и Россіей въ Азіи въ рангъ наслѣдницъ и воспитательницъ Ислама.

Гигантское поле интересовъ и цивилизаторской дѣя-

тельности: для Россіи—сѣверная и центральная Азія, области Каспійскаго и Чернаго морей до предверій Царьграда; для Франціи—сѣверная Африка, отъ Фецца до Кабуана, отъ Алжира черезъ Томбукту до Конго, не считая не такъ еще испорченное положеніе въ Левантѣ, а въ особенности въ Сиріи; для Англіи, между обоими первыми—пути въ Индію, Египетъ и Аравія, Месопотамія и Занзибаръ, и самая Индія вплоть до стѣны Гималаевъ. Цѣлый полумѣсяцъ христіанскихъ державъ, охватившихъ отъ Танжера до Каира и Самарканда, всѣ остатки независимаго Ислама передней Азіи, отъ Царьграда до Багдада.

Ибо Оттоманская имперія, хотя и сведена къ окрестностямъ Константинополя и проливовъ и хотя рушится, но все же является единственнымъ мусульманскимъ государствомъ, которое до нашихъ дней сохранило нѣкоторый остатокъ независимости; развалины ея стараго могущества были еще внушительны въ эпоху Берлинскаго конгресса въ 1878 году: въ Европѣ—Албанія, Македонія, Фракія, Царьградъ; въ Африкѣ—Триполитанія и хоть номинальная власть надъ Египтомъ; въ Азіи—Аравія съ ея священными городами, Месопотамія, Сирія, Арменія и Малая Азія. Пока еще—великая имперія, если бы у нея было достойное ея правительство. И еще можно было вѣрить, что носимый царьградскимъ султаномъ титулъ «повелитель правовѣрныхъ, наслѣдникъ калифовъ» пользовался еще нѣкоторымъ престижемъ въ мірѣ Ислама.

И вотъ на этихъ-то развалинахъ германскій императоръ и основалъ свой главный планъ.

II

Кризисъ (1878—1913 гг.)

Германскій натискъ на Востокъ

I. Берлинскій договоръ и его послѣдствія.

Германское вмѣшательство въ восточныя дѣла было тѣмъ новымъ факторомъ, которое вызвало кризисъ и ускорило развязку.

Правду говоря, Германія не имѣла никакого положенія въ этихъ странахъ и, слѣдовательно, у нея не было нужды защищать какія-либо права, или преслѣдовать какія-либо традиціи; наоборотъ, она была здѣсь наперекоръ всѣмъ традиціямъ. Ея восточная политика имѣла характеръ чистой импровизаціи, безъ всякихъ корней въ прошломъ, нѣчто аномальное, или какъ говорится въ біологіи, монстръ. Но такіе монстры не жизнеспособны; точно также и представителямъ этой гиперборейской расы не мѣсто на залитыхъ солнцемъ берегахъ Средиземнаго моря. Логику исторіи и географіи безнаказанно нарушать нельзя; и достаточно любезной Монтэскье теоріи климатовъ, чтобы заранѣе осудить этотъ германскій натискъ и это ложное его направленіе.

Между тѣмъ именно таково было за эти послѣдніе тридцать лѣтъ — все равно, что минута или капля воды въ потокѣ временъ — основное явленіе въ исторіи Восточнаго вопроса.

Это было результатомъ того самого Берлинскаго трактата, который будетъ превращенъ нынѣшней войной въ

«лоскутъ бумаги». Россія въ союзѣ съ Румыніей завязала, наконецъ, съ Турціей рѣшительную войну, на которую толкали ее всѣ ея традиции и интересы. Не безъ труда и съ помощью спѣшившихъ стряхнуть съ себя мусульманское ярмо христіанскихъ народовъ, она разбила турокъ на Шипкѣ и подъ Плевной, равно какъ и въ области Арарата; и войска великаго князя Николая Николаевича Старшаго стояли уже предъ Константинополемъ, въ Санъ-Стефано.

Тогда Россія продиктовала оттоманскому правительству такія условія мира, которыя разрушали европейскую Турцію, ибо ими не только расширены были Сербія, Греція и Черногорія, но и образовано было, на всемъ пространствѣ отъ нижняго Дуная до Эгейскаго моря, включая большую часть Македоніи, новое Болгарское княжество, опеку котораго Россія, естественно, взяла на себя. Россія хотя еще и не осмѣлилась наложить свою руку на Царьградъ, но она во всякомъ случаѣ достигла черезъ Болгарію широкой береговой полосы Средиземнаго моря.

Но противъ этой политической новизны: Россія — средиземноморская держава, образовалась коалиція другихъ державъ, которыхъ это могло обезпокоить. Появленіе Россіи въ Салоникахъ означало закрѣпощеніе Австріи въ области средняго Дуная и оттѣсненіе ея къ сѣверу, то-есть снова къ Германіи, отъ которой она была отрѣзана прусской побѣдой при Садовой. Бисмаркъ на это отнюдь не соглашался и, чтобы обезпечить балканское равновѣсіе противъ притязаній Россіи, онъ вошелъ въ соглашеніе съ австро-венгерскимъ канцлеромъ графомъ Андраши. Ихъ поддержала Англія, которая ничуть не желала, чтобы Россія дошла до Средиземнаго моря и угрожала ея индійской дорогѣ. Именно такимъ образомъ Берлинскій трактатъ іюля 1878 года оказался противоположностью Санъ-Стефанскаго договора.

Европейская Турція возстановлена была изъ Фракіи, Македоніи и Албаніи; ей даже оставили Восточную Румелию съ городомъ Филиппополемъ, то-есть верхнюю долину Марицы, при условіи, если она поставитъ тамъ правителемъ христіанина.

Новое Болгарское княжество образовано было такимъ образомъ лишь въ предѣлахъ между Дунаемъ и Балканами, вдали отъ Эгейскаго моря; а ея самостоятельность поставлена была, вмѣсто одного русскаго протектората, подъ защиту всѣхъ великихъ державъ. Россія при этомъ утрачивала главную выгоду отъ своихъ побѣдъ: она снова отброшена была къ сѣверу отъ Чернаго моря.

И наоборотъ, Австрія, не понеся никакихъ жертвъ, ни кровью, ни средствами, была на двадцать пять лѣтъ уполномочена управлять отъ имени Европы Боснійско-Герцеговиной. Она даже получила право держать гарнизонъ въ санджакѣ Новый Базаръ. Такимъ образомъ она продвинулась далеко на югъ; казалось, что ей уже было рукой подать до Салоникъ и до средиземнаго побережья. Результаты разгрома при Садовой этимъ были искуплены; Австро-Венгрія отрекалась отъ всего своего прошлаго, отъ всякаго политическаго замысла въ Германіи; этимъ она обезпечивала гегемонію Пруссіи. Она стала балканской державой, соперницей Россіи. Это было смертельнымъ уклоненіемъ отъ ея самыхъ старинныхъ традицій. Будучи нѣмецкой, Австрія не создана для организаціи балканскихъ славянскихъ государствъ. Исторія должна получить свой «реваншъ».

Россія тѣмъ временемъ, какъ бы насильно, направлена была вмѣсто Европы въ Азію.

Въ это время закончено было Скобелевымъ завоеваніе Туркестана, и петербургское правительство на нѣсколько лѣтъ оказалось въ остромъ конфликтѣ съ Англіей. Этими своими успѣхами оно однако не удовлетвовалось; оно повсюду искало выхода въ свободное море вплоть до

Дальняго Востока и Тихаго океана. Государь Императоръ Николай II, со времени вступленія своего на тронъ въ 1894 г., приложилъ всю свою заботу на сооруженіе Сибирскаго пути; въ 1895 году онъ не допустилъ Японію основаться въ Портъ-Артуръ, а въ 1898 году онъ водворилъ тамъ Россію; Сибирскій путь направленъ былъ черезъ Манджурію, которая разсматривалась за русскую провинцію; то же самое начало примѣняться и въ Корей, при чемъ совершенно не считались съ интересами и притязаніями Японіи.

Это было началомъ Манчжурской войны (1904—1905 гг.). Чтобы тамъ ни говорилось, а эта война не обнаружила серьезной неспособности русской имперіи. Японскій флотъ оказался выше своего соперника, который однако долго боролся за свою удачу. Но русская армія, хотя и находилась въ такой дали отъ своей операціонной базы и притомъ располагала лишь одноколейнымъ путемъ для своего снабженія, но все же на восемнадцатомъ мѣсяцѣ борьбы оказалась въ цѣлостии готовности на новыя усилія. Это именно и ускорило Портсмутскій миръ (августъ 1905 года), который Россіи обошелся такъ дешево, что вызвалъ живѣйшее неудовольствіе японскаго общественнаго мнѣнія. Россія въ общемъ потеряла только Портъ-Артуръ, который она временно арендовала у Китая, и половину острова Сахалина. Въ дѣйствительности же Россія непобѣдима, такъ какъ ея колоссальное тѣло непроницаемо. Ей можно наносить поверхностные уколы, въ Крыму или въ Манчжуріи, но жизненныхъ ея центровъ достигнуть невозможно. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ Крымской войны она раздавила Турцію; черезъ десять же лѣтъ послѣ Манчжурской войны она наноситъ теперь ужасающія раны Австріи и Германіи. Возможно, что основнымъ фактомъ переживаемой нами эпохи является окончательное торжество величія Россіи.

Тѣмъ временемъ Австро-Венгрія и Германія восполь-

зовались этими событіями, чтобы развить на Балканахъ тѣ преимущества, которыя предоставлены были имъ Берлинскимъ трактатомъ. И Россіи пришлось серьезно этимъ озаботиться. Оtmѣтимъ главные этапы этого германскаго натиска.

Сербія въ 1882 году приняла рангъ королевства. Ея первымъ королемъ былъ Миланъ I изъ рода Обреновичей. Вслѣдствіе различныхъ соображеній, а можетъ быть просто потому, что онъ не любилъ своей жены, которая была изъ Россіи, онъ опирался на Австрію; въ этомъ отношеніи онъ былъ въ родѣ вассала; по меньшей мѣрѣ всѣ сербскіе интересы особымъ торговымъ договоромъ, который въ дѣйствительности сковалъ экономическую и политическую свободу Сербіи, были связаны съ интересами сосѣдней державы. Это было одно изъ главныхъ причинъ непопулярности короля Милана; сынъ его Александръ I не былъ счастливѣе его и въ 1903 году убитъ былъ военными заговорщиками, которые призвали на сербскій тронъ потомка Кара-Георгія, короля Петра I. Сербія при немъ стала крайне ревниво и вызывающе охранять свою полную независимость.

Румынія въ 1878 году тоже вошла въ нѣмецкое русло. Королемъ у нея былъ Карлъ или Кароль Гогенцоллернъ. Но въ особенности и очень основательно она недовольна была результатами Русско-турецкой войны, такъ какъ она хотя и помогла Россіи взять Плевну, но потеряла населенную румынами Бессарабію, въ обмѣнъ на обездоленные степи Добруджи. Военной конвенціей она связала себя съ Австро-Венгріей и Германіей и стала на Востокъ авангардомъ Тройственного Союза.

Освобожденная отъ турецкаго ига и основанная Россіей Болгарія всю свою политику свела къ тому, чтобы освободиться отъ всякой вассальной и благодарной связи со своею освободительницей. Первый болгарскій князь, Александръ Баттенбергъ, тоже нѣмецъ, своимъ стара-

ніемъ оградить Болгарію отъ какого-либо русскаго вліянія, возбудилъ глубокій гнѣвъ царя Александра III. Въ 1885 году провинція Восточной Румеліи возстала противъ султана, изгнала своего правителя и присоединилась къ Болгаріи. Сербія, во имя балканскаго равновѣсія, пожелала этому воспротивиться; войска Милана разбиты были Александромъ Баттенбергомъ; и послѣдній съ этихъ поръ откинулъ всякія церемоніи по отношенію къ Россіи. Царь Александръ проявилъ на это такой гнѣвъ, что принцъ Баттенбергъ принужденъ былъ въ 1886 году отречься отъ трона. Болгарское Собраніе, то-есть народныя представители, по наущенію вѣнскаго и берлинскаго правительствъ, отвергли русскаго претендента и избрали опять нѣмца, Фердинанда Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, и подъ диктатурой своего энергичнаго министра Стамбулова, Болгарія закончила свое освобожденіе изъ подъ русской опеки; получилось положеніе нѣсколько напоминающее отношенія между Франціей и Италіей.

Такимъ образомъ, въ той или иной формѣ, но различныя христіанскія народности турецкой имперіи продолжали свой переходъ къ состоянію полной независимости. Но это имъ удавалось не всѣмъ. Арменія требовала у султана Абдулъ-Гамида II обѣщанныя ей Берлинскимъ трактатомъ необходимыя свободы; султанъ отвѣтилъ на это въ 1894 и 1896 годахъ такими ужасными избіеніями, что о нихъ не забудется даже въ кровавой исторіи турецкой имперіи; погибло отъ двухъ до трехсотъ тысячъ жертвъ. И армянскій вопросъ на долгое время сошелъ съ очереди.

Уже расширенная по Берлинскому трактату Фессаліей Греція хотѣла владѣть и Критомъ и подняла на немъ новое возстаніе противъ Турціи. Турецкія войска, подъ командой служившихъ въ нихъ нѣмецкихъ офицеровъ, напали и разбили греческую армію подъ командой наслѣднаго королевича Константина. Несмотря на это и благо-

даря дипломатическому воздѣйствію Франціи, Россіи и Англіи, изъ Крита образовано было независимое княжество, подъ управленіемъ одного изъ сыновей греческаго короля. Такимъ образомъ Турція, словно подчиняясь какому-то закону европейской политики, распадалась, независимо отъ того, была ли она побѣдительницей или побѣжденной. Она сама собою расползалась по лоскутамъ.

Волнуемая всѣми этими событіями Македонія тоже захотѣла отдѣлиться отъ Оттоманской имперіи и стать тѣмъ, чѣмъ она была кратковременно по Санъ-Стефанскому договору. Но ее оспаривали другъ у друга греки, сербы и болгары, которые всѣ безпрестанно опустошали ее своими вооруженными шайками. Восточный вопросъ выставлялъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе сложныя задачи, и въ его мутной водѣ наиболѣе ловкимъ раздолье было ловить рыбу.

Вѣнское и берлинское правительства уже извлекли отсюда больше всѣхъ выгоды; почти на всѣхъ тронахъ полуострова сидѣли въ качествѣ князей ихъ друзья; они направляли сюда свои желѣзныя дороги, которыя проходили на Варну, на Царьградъ и Салоники; мореходная австрійская компанія изъ Триеста «Ллойдъ», а равно германскія пароходныя общества опутали своими рейсами всѣ балканскіе берега. Волей или неволей, но всѣ эти страны, начиная отъ Чернаго моря и до Адриатики, вошли въ ряды ихъ кліентовъ и подъ владычество нѣмецкихъ державъ.

II. Германскій натискъ на Багдадъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія всеобщій интересъ возбужденъ былъ двумя живописными эпизодами, которыми характеризуется общій образъ дѣйствій императора Вильгельма II,—это его путешествіе въ Палестину въ 1898 г. и въ Танжеръ въ 1905 году.

Надъ первымъ изъ нихъ потѣшались. Сначала оно

показалось увеселительной прогулкой или туризмомъ. Кайзеръ воспользовался жаркимъ солнцемъ Средиземнаго моря, чтобы удивить всѣхъ своими нарядами. Смѣялись также и надъ тѣмъ, что онъ такъ старался пристроить въ этихъ новыхъ странахъ множество нѣмецкихъ издѣлій. Дѣло, однако, было серьезное;—это стало замѣтнѣе годъ отъ году. Вильгельмъ посѣтилъ христіанскія Святія Мѣста и заложилъ въ Іерусалимѣ первый камень храма Спасителя. Онъ непосредственно задѣлъ старинную французскую привилегію быть въ Іорданской землѣ представителемъ католическихъ правъ, но французское правительство остерегалось заявить на это малѣйшій протестъ.

Затѣмъ императоръ съ благоговѣніемъ посѣтилъ нѣкоторыя священныя мѣста Ислама и отправился въ Дамаскъ; его принимали въ самыхъ чтимыхъ мечетяхъ; онъ завоевалъ сердца добрыхъ мусульманъ. Султанъ Абдуль-Гамидъ за избіеніе сотенъ тысячъ армянъ въ то время утратилъ уваженіе всего міра, въ особенности же строго порицался во Франціи и въ Англіи; но германскій императоръ, въ сопровожденіи императрицы, отправился къ нему съ торжественнымъ визитомъ въ Константинополь и почтилъ своимъ присутствіемъ данныя въ честь его великолѣпныя торжества. «Красный султанъ» и добрые мусульмане стали лучшими друзьями кайзера,—остальное извѣстно; лишнее говорить, что этимъ онъ выигралъ не мало.

Тѣмъ временемъ, на другомъ концѣ Средиземнаго моря, Франція, опасаясь, какъ бы независимый и вѣчно въ смутѣ Марокко не привлекъ къ себѣ жадности рыщущей въ погонѣ за рынками Германіи, начала готовить свое водвореніе въ этой странѣ. Она считала это необходимымъ въ интересахъ безопасности западной границы Алжира. Поэтому она Южно-оранскую желѣзную дорогу продолжила за Фигигъ. Она заняла область Туатъ и слѣдила за таборами Тафилета. Съ другой стороны она старалась разрѣшить этотъ вопросъ и съ дипломатической точки

зрѣнія; Англію она удовлетворила признаніемъ, наконецъ, за нею преобладанія въ Египтѣ и допущеніемъ учрежденія спеціальнаго статута для Танжера. Испаніи она уступила все средиземное побережье Марокко и часть атлантическаго побережья. Съ Германіей, у которой въ этой области не было никакихъ правъ, она не сочла нужнымъ входить въ переговоры.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1905 года, какъ разъ въ такое время, когда побѣжденные при Мукденѣ русскіе не могли оказать Франціи дѣйствительной поддержки, германскій императоръ явился на военномъ кораблѣ предъ Танжеромъ. Здѣсь онъ во всеуслышаніе заявилъ, что несмотря ни на что и наперекоръ всѣмъ, гарантируетъ независимость марокккаго султана и земельную неприкосновенность его имперіи. Это тоже была такая манифестація, въ которой ничего пріятнаго для Франціи не заключалось. Французскій министръ иностранныхъ Дѣлъ, г. Дэлькассѣ полагалъ, что это можно оставить безъ вниманія и, не беспокоясь о германскомъ противодѣйствіи, продолжалъ въ Марокко предпринятую имъ политику. Его коллеги не раздѣлили его мнѣнія и согласились представить мароккскій вопросъ на международную конференцію. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого состоялась Альхэсирасская конференція.

Императоръ Вильгельмъ II такимъ образомъ заявилъ отъ Царьграда до Танжера, о своей волѣ защищать оставшіеся до сихъ поръ независимыми мусульманскія государства. Опираясь на сознаніе своей силы, онъ гордо провозгласилъ средиземноморскую политику Германіи и высокое презрѣніе ко всякимъ ранѣе пріобрѣтеннымъ здѣсь положеніямъ и правамъ.

Но эти права и положенія покоились на солидныхъ основаніяхъ; для того чтобы разрушить вѣковое преобладаніе Франціи, одного шумнаго путешествія въ Левантъ было мало. Недостаточно было и театральнаго появленія

въ Танжерѣ, чтобы обезпечить торжество Германіи. Импровизаціи до такихъ предѣловъ не достигаютъ. Традиція и исторія сильнѣе самыхъ густыхъ батальоновъ.

Тѣмъ временемъ берлинское правительство развивало свою дѣятельность. Отъ своего друга, турецкаго султана, оно добилося концессіи на постройку колоссальной желѣзной дороги до Багдада. Изъ числа великихъ державъ только у одной Франціи оказалась энергія оспаривать экономическое проникновеніе Германіи въ необъятныя области Передней Азіи. Она добилася отъ Турціи уступки въ Сиріи и въ Арменіи почти одинаковаго съ нѣмцами количества километровъ желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ вся эта великолѣпная страна, отъ Средиземнаго моря до Ирана, стала новымъ полемъ франко-германскаго соперничества.

А все же уступленныя Франціи линіи имѣли только второстепенное значеніе; это были концы и вѣтки, которые расходились справа и слѣва отъ большой нѣмецкой дороги и могли только развивать ея жизненность и цѣнность. Развѣ въ минуты затрудненія нѣмецкаго общества не явились къ нему на помощь французскіе капиталы? Турецкіе министры тоже проявили большую ловкость: они почти наканунѣ нынѣшней великой войны добились у Франціи необходимой имъ субсидіи.

Итакъ, отъ Гамбурга до Багдада и еще дальше того, мощный нѣмецкій натискъ, пустивъ въ ходъ всю экономическую дѣятельность Германіи и Австро-Венгріи и опутавъ своими морскими желѣзнодорожными путями весь Балканскій полуостровъ, направлялся на завоеваніе Передней Азіи; плохо сдерживаемый усиліями французской конкуренціи, онъ уже изъ конца въ конецъ пересѣкалъ эти страны, гдѣ возникли величайшія имперіи исторіи; онъ достигалъ береговъ Персидскаго залива и Индійскаго океана; онъ прокладывалъ себѣ путь, черезъ съ трудомъ воздвигнутыя Россіей, Франціей и Англіей позиціи. Турція уже казалась наэлектризованной, воскресшей. Подъ

управленіемъ германскихъ миссій она прочно организовывала свои военныя силы, которыя, проявивъ свои качества за истекшіе вѣка и даже въ балканскія войны, казались способными и на другіе подвиги. И никакихъ серьезныхъ препятствій на этомъ пути. Сербія на положеніи вассала или же совсѣмъ ослабленная! Румынія связанная съ нѣмецкими имперіями военной конвенціей; Болгарія новый союзникъ; Греція съ династическими связями; Турція въ тѣсномъ союзѣ. Словомъ, система кайзера была широко задумана и обладала опасной силой.

Но все же у нея были враги; большое сопротивленіе она вызывала самымъ своимъ размахомъ. Она одновременно атаковала: въ области Чернаго моря Россію, въ сѣверной Африкѣ — Францію, на Индійскомъ пути Англію. Она подготавливала ихъ согласіе, которое и завязалось въ это самое время, въ 1904—1907 годахъ.

Англійскій король Эдуардъ VII процарствовалъ недолго, но онъ оставилъ славную память, такъ какъ замѣтилъ нѣмецкую опасность и въ такое короткое время послѣ Фашоды привелъ къ осуществленію «сердечное соглашеніе» съ Франціей, что и было предметомъ конвенціи 8 апрѣля 1904 года. По внѣшности это былъ ликвидаціонный колоніальный актъ, которымъ разрѣшались всѣ спорные пункты между обѣими державами на Тѣр-Нѣвъ, въ Африкѣ, въ особенности же въ Египтѣ и въ Марокко. Въ дѣйствительности же на практикѣ это соглашеніе обнаружило, что имѣетъ полное значеніе союза.

Оно немедленно доказало это въ Альхэсирасѣ. Эта потребованная Германіей международная конференція, признавъ независимость и земельную неприкосновенность Марокко, дала Германіи нѣкоторое принципиальное удовлетвореніе, но она признала также исключительность положеній Франціи и Испаніи на сухопутныхъ и морскихъ границахъ Марокко, а этимъ укрѣплялось положеніе Франціи. Французскихъ уполномоченныхъ рѣшительно

поддерживали представители Англіи и Россіи и, разумѣется, также Испаніи и даже Италіи. Пріятно отмѣтить, что альхэсирасскій актъ позволилъ Франціи очень скоро измѣнить свое исключительное положеніе въ Марокко въ дѣйствительный протекторатъ.

Одинъ успѣхъ ведетъ за собой другой. Въ слѣдующемъ, 1907 году, французской дипломатіи удалось довести до конца соглашеніе между Россіей и Англіей, которое явилось развитіемъ «сердечнаго соглашенія». Такова была Конвенція 31 августа, благодаря ей Россія и Англія урегулировали всѣ свои разногласія въ Азіи, въ Тибетѣ и въ Афганистанѣ и въ точности опредѣлили сферы своего вліянія въ Персіи и въ области Персидскаго залива. Съ этихъ поръ онѣ неизмѣнно стали проявлять расположеніе къ улучшенію ихъ, нѣкогда столь затруднительныхъ отношеній; у нихъ окрѣпло убѣжденіе, что имъ, предъ ихъ общимъ врагомъ, прежде всего необходимо быть вмѣстѣ.

Тройственное Согласіе явилось и существовало. Оно открыто выступило навстрѣчу германскому натиску на всемъ пространствѣ отъ Туркестана и Персіи до Египта и Марокко.

И было время, ибо что принесло бы будущее, если бы еще дольше продлились франко-англійское и англо-русское соперничество? Возможно, что Германія привела бы въ исполненіе свой колоссальный замыселъ всемірнаго господства.

III. Балканскій кризисъ (1908—1913 гг.).

Турецкая революція (въ іюль 1908 года) положила въ этой грандіозной исторіи Востока начало такому политическому и военному кризису, который уже семь лѣтъ держитъ подъ ружьемъ всю Европу и, словно сорвавъ съ мѣста всѣ неразрѣшенные національные и экономическіе вопросы, развивается съ головокружительной быстротой.

29 іюля 1908 года расположенный въ Салоникахъ

гарнизонъ турецкій армейскій корпусъ возсталъ, выступилъ походомъ на Константинополь, принудилъ султанъ Абдъ-улъ-Гамида ввѣрить власть вождямъ партіи младотурокъ и дать конституцію народамъ имперіи. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года султанъ попытался оказать противодѣйствіе и снова захватить всю свою власть, но былъ укрощенъ и принужденъ былъ отречься отъ трона. Ему наследовалъ Мехметъ V. Принимая во вниманіе тѣ отношенія, которыми уже нѣсколько лѣтъ связанъ былъ низвергнутый султанъ съ императоромъ Вильгельмомъ II, одно время можно было думать, что нѣмецкое вліяніе въ Константинополѣ пострадаетъ. Но оно, наоборотъ, очень умѣло спасено было германскимъ посломъ, барономъ Маршалъ-фонъ-Биберштейномъ; а самый смѣлый изъ вожаковъ младотурецкой партіи, Энверъ-бей, вскорѣ Энверъ-паша, со всей своей энергіей и безъ зазрѣнія совѣсти отдался защитѣ и развитію германскихъ интересовъ.

Турція отъ этого ничего не выиграла; въ будущемъ же она потеряетъ все.

Предъ общественнымъ мнѣніемъ младотурецкая партія выступила какъ партія національная, рѣшившая возродить оттоманское правительство, задержать тотъ упадокъ, который за послѣдніе тридцать лѣтъ влекъ Турцію къ непрерывному расчлененію, и такимъ образомъ возродить всю моральную силу Ислама. Подобное предпріятіе достойно было бы похвалы, даже было бы благородно, если бы было чѣмъ, нибудь-инымъ, а не паутиной интригъ съ германскимъ правительствомъ.

Австро-Венгрія прежде всего сочла благовременнымъ покончить съ вопросомъ о Босніи-Герцеговинѣ. Берлинскимъ трактатомъ на нее возложено было управленіе этими провинціями, только въ видѣ временной мѣры, на закончившійся въ 1903 году двадцатипятилѣтній періодъ. Нельзя было допустить, чтобы младотурецкая партія проявила такое усердіе и, подъ предлогомъ, что она представляетъ

собою просвѣщенное правительство, потребовала Боснію-Герцеговину обратно. Поэтому Австро-Венгрія просто и ясно заявила объ аннексіи. Ожидали, что младотурки будутъ протестовать, но они удовольствовались малымъ: чтобы доставить имъ удовольствіе Австро-Венгрія удалила свой гарнизонъ изъ Новаго Базара, а чтобы обрадовать ихъ еще больше, она имъ дала немного денегъ.

Болѣе рѣшительный протестъ заявленъ былъ Сербіей, такъ какъ Боснія цѣликомъ населена сербами; пока государственнй строй въ Босніи былъ временнымъ, у Сербіи была надежда рано или поздно закончить объединеніе своей территоріальной цѣльности; окончательное же присоединеніе къ Австріи губило все это будущее. Поэтому въ Бѣлградѣ проявилось сильное раздраженіе. Сербы надѣялись въ этомъ на поддержку Россіи; рассчитывали, что только-что созданное Тройственное Согласіе проявитъ свою силу и потребуетъ уваженія договоровъ, или по меньшей мѣрѣ разсмотрѣнія Боснійскаго вопроса на какой-нибудь европейской конференціи.

Германскій посолъ сдѣлалъ угрожающее представленіе с.-петербургскому правительству. И послѣднее, будучи еще ослаблено послѣдствіями манчжурской войны, уступило и отказалось поддержать сербскія притязанія, такъ что бѣдная Сербія, въ довершеніе униженія, принуждена была адресовать Австріи особое заявленіе, коимъ она признавала, что ея права не были затронуты совершившейся перемѣной въ Босніи-Герцеговинѣ, и что она отказывается отъ своего протестующаго положенія, чтобы жить впредь съ Австріей въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ (31 марта 1909 года).

Болгарія, между тѣмъ, тоже воспользовалась этими обстоятельствами. Она, несомнѣнно, опасалась, какъ бы младотурецкая партія не потребовала отъ нея возвращенія Восточной Румеліи, которая присоединилась къ Болгаріи только путемъ революціи. И болгарскій князь Фердинандъ

торжественно провозгласилъ себя въ Тырновѣ царемъ болгаръ, т. е. не только жителей Болгаріи, но и Румелии и другихъ мѣстъ. Турція не протестовала.

А такъ какъ Болгарія не была въ худыхъ отношеніяхъ ни съ Австріей, ни съ Германіей, то можно сказать, что этотъ первый актъ кризиса закончился успѣхомъ нѣмецкаго вліянія на Востокъ и укрѣпилъ позиціи этого вліянія.

* *
*

Послѣ двухлѣтняго затишья огонь вспыхнулъ въ другомъ пунктѣ.

Мароккскій вопросъ оставался жгучимъ со времени Альхэсирасской конференціи. Всегда готовая разгорѣться страсти подогрѣты были дѣломъ казablancaнскихъ дезертировъ уже въ октябрѣ 1908 года; Франція въ этомъ случаѣ твердо поддержала свои права. Въ 1909 году сдѣлана была попытка примирить экономическіе интересы Франціи и Германіи въ Марокко. Такъ какъ въ 1911 г. истекалъ пятилѣтній срокъ альхэсирасскаго акта, то мароккскій вопросъ снова грозилъ выступить на очередь, хотя впрочемъ на такой почвѣ, которая могла быть очень благопріятной для парижскаго правительства. Весною въ таборахъ изъ окрестностей Феца началось большое волненіе. Обезпокоенный и напуганный султанъ обратился за военнымъ вмѣшательствомъ Франціи. Въ Фецъ отправлена была одна дивизія; она разсѣяла осаждавшихъ городъ мятежниковъ и возстановила порядокъ. Мароккское дѣло назрѣвало.

Раздраженная Германія прибѣгла къ одной изъ тѣхъ манифестацій грубой силы, которыми она въ особенности отличается. Она отправила въ мароккскій портъ Агадиръ свою канонерку «Пантеру» и заявила, что вопросъ этотъ безъ ея участія разрѣшенъ не будетъ. Очень миролюбиво настроенное французское правительство согласилось вступить въ переговоры; они были очень тяжелые и много

разъ обострялись, но закончились Конвенціей 4 ноября 1911 года. Франція согласилась на выпрямленіе границы Конго въ пользу нѣмецкаго Камеруна, который выдвинулся такимъ образомъ двумя выступами до великой рѣки и до ея притока Убанги. Но Германія признала политическое преобладаніе Франціи въ Марокко и черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого тамъ провозглашенъ былъ французскій протекторатъ. Танжерскій инцидентъ былъ почти изглаженъ.

Послѣ этого кризисъ перешелъ на Средиземное море и пошелъ ускореннымъ темпомъ.

Воспользовавшись тѣмъ предложомъ, что младотурецкая, дѣйствительно нерѣдко заносчивая, партія не желала признавать итальянскихъ интересовъ въ Триполитаніи, итальянское правительство отправило туда десантный корпусъ и предприняло установленіе тамъ своей власти. Это было нелегко. Война продолжалась цѣлый годъ и закончилась къ выгодѣ Италіи только мирнымъ договоромъ въ Уши-Лозаннѣ, въ октябрѣ 1912 года.

И тотчасъ же огромное зарево пожара охватило всѣ Балканы.

Когда отступаетъ русская дипломатія, равно какъ и русская армія, то это дѣлается только затѣмъ, чтобы стать на болѣе прочныхъ позиціяхъ. Она уступила въ 1909 году потому, что находилась въ невыгодномъ положеніи; она ждала и готовила свой ударъ.

Въ мартѣ 1912 года она въ полной тайнѣ, которая обнаружилась только черезъ годъ, добила заключенія союзной наступательной противъ Турціи, и въ случаѣ необходимости—и оборонительной противъ Австріи, конвенціи между балканскими государствами: Болгаріей, Греціей, Черногоріей и Сербіей. Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся дипломатическихъ успѣховъ русскаго правительства за послѣдніе годы.

Вслѣдствіе итало-турецкаго конфликта, обстоятельства представлялись благоприятными, и въ октябрѣ 1912 г.

балканскіе Союзники пошли на Турцію войной, чтобы освободить своихъ македонскихъ братьевъ отъ оттоманскаго ига. Расчитывали, что Турція, войска которой обучены были нѣмецкими офицерами, окажетъ жестокое сопротивленіе.

Но она жалко провалилась, и Крестовый походъ христіанъ за нѣсколько недѣль всей этой войны зналъ только однѣ блестящія побѣды.

Греки, войска которыхъ реорганизованы были французскими инструкторами, блестяще взяли Салоники, потомъ — Янину. Обладавшіе французскими пушками сербы отомстили на Коссовомъ полѣ за своихъ нѣкогда славныхъ побѣжденныхъ, спустились черезъ Куманово въ долину Вардара, торжественно вступили въ Ускюбъ, гдѣ Стефанъ Душанъ когда-то короновался императоромъ сербовъ, и въ сердцѣ Македоніи соединились съ греками.

Болгары имѣли не менѣе успѣховъ; во Фракіи они одержали такія побѣды, слава о которыхъ громко будетъ звѣнѣть въ теченіе вѣковъ, это — Киръ-Килиссе, Люле-Бургасъ; они обложили Адрианополь и взяли его, съ помощью подошедшихъ сербовъ; двинулись на Константинополь и остановились только предъ укрѣпленіемъ Чаталджи и предъ запретомъ великихъ державъ.

Европа отнюдь не допустила, чтобы балканскіе побѣдители оказались одинъ на одинъ съ побѣжденными; и вслѣдъ за славными и безукоризненными побѣдами пошли низкія интриги, подозрительныя комбинаціи дипломатовъ. Австро-Венгрія прежде всѣхъ заявила, что не потерпитъ, чтобы Сербія вышла на берега Адриатическаго моря; самое большее, она соглашалась на экономическій выходъ Сербіи на эти берега; но въ какой формѣ? этого не имѣли времени опредѣлить. Въ угоду вѣнскому правительству, — въ эту эпоху Европа охотно еще слушалась тѣхъ, кто громко кричалъ, — было образовано Албанское княжество, которое завѣдомо было не жизнеспособно и осуждено на жертву вѣчныхъ смутъ;

но Австрія и Германія, рассчитывавшія посадить и на албанскій тронъ своего нѣмецкаго принца (Вида), видѣли въ этомъ для себя только выгоду.

Именно такимъ образомъ разрѣшенъ былъ балканскій вопросъ Лондонскимъ трактатомъ въ маѣ 1913 года. Помимо образованія Албанскаго княжества, онъ свелъ границы Европейской Турціи къ ближайшимъ окрестностямъ Царьграда, проведя ихъ по линіи Эпосъ-Мидія, параллельно направленію Босфора и Дарданеллъ.

Побѣдителямъ досталась богатая добыча. Оставалось только ее раздѣлить, а въ особенности примирить противорѣчивыя притязанія соперниковъ на Македонію; еще новый благопріятый поводъ къ темнымъ интригамъ. Востокъ—край преступленій и измѣнъ.

Ночью 19 іюня 1913 года болгарская армія на берегахъ нижняго Вардара, гдѣ побѣдоносные союзники ожидали вступленія своего въ присужденныя имъ области, предательски, безъ предупрежденія, внезапно напала на своихъ вчерашнихъ союзниковъ, грековъ и сербовъ; она попыталась ихъ разъединить, чтобы затѣмъ разбить поочередно одного за другимъ и потомъ захватить Салоники и всю Македонію. Такимъ образомъ Болгарія простерлась бы до Албаніи, а войдя потомъ когда-нибудь, разумѣется при добромъ содѣйствіи нѣмецкихъ державъ, въ соглашеніе съ турками, установила бы, съ ихъ же согласія и имъ на пользу, свое преобладаніе надъ большей частью полуострова.

Злодѣйскій ударъ этотъ однако не удался. Греки и сербы стойко выдержали первое внезапное нападеніе и отразили его; потомъ они сами перешли въ наступленіе и, поднявшись—одни по Струмѣ, а другіе по притоку Вардара, Брегалницѣ,—жестoko отгѣснили своего противника и вмѣстѣ двинулись на Софію.

Съ другой стороны, Румынія тоже встревожилась болгарскими притязаніями; она не могла допустить, что Бал-

каны принадлежали однимъ болгарамъ. Каждое изъ этихъ государствъ само хотѣло быть Пьемонтомъ Балканскаго полуострова, и боялось, чтобы эта честь не досталась его сосѣду. Румынская армія перешла черезъ Дунай и безпрепятственно, такъ какъ всѣ болгарскія силы сосредоточены были противъ грековъ и сербовъ, двинулась на Софію. Наконецъ, турки тоже не преминули воспользоваться случаемъ и безъ единого выстрѣла отняли назадъ Адрианополь.

Покрытые позоромъ и смущенные болгары поспѣшили подписать (въ августъ 1913 года) Букарестскій миръ, по которому большая часть Македоніи отошла къ Сербіи и Греціи; къ первой Ускюбъ и Монастырь, а ко второй—Салоники и Кавала. По мирному же Константинопольскому договору (въ октябрѣ того же года) Адрианополь возвращенъ былъ туркамъ. Болгары же, по меньшей мѣрѣ, пріобрѣли отнынѣ широкой доступъ къ Эгейскому морю; они все таки сохранили существенный результатъ своихъ побѣдъ надъ оттоманскими войсками.

Въ общемъ расчеты вѣнскаго и берлинскаго правительствъ не удались. Ихъ союзники-турки были разбиты и отброшены къ проливамъ и къ Азіи. Болгарское предательство повернулось въ худую сторону для своихъ виновниковъ и только увеличило успѣхъ Греціи и Сербіи. Румынія, наперекоръ угрозамъ Австріи, стала на сторону противниковъ Болгаріи и устроила по Букарестскому договору нѣчто въ родѣ независимыхъ Балканъ, которыя были достаточно сильны, чтобы не быть игрушкой въ рукахъ великихъ державъ.

Благодаря этому, вліяніе Россіи и Тройственнаго Соглашенія на балканскія государства возстановилось, и оно было благопріятно ихъ полному освобожденію. Второй актъ кризиса, такимъ образомъ, окончился очень замѣтнымъ пораженіемъ нѣмецкаго вліянія: предъ нимъ поставленъ былъ прочный барьеръ.

III

Къ развязкѣ

Рѣшеніе Восточнаго вопроса

I. Великая война (1914—1915 гг.).—Предъ Царьградомъ.

Страшный поединокъ, которымъ, по крайней мѣрѣ на время, разрѣшенъ будетъ между прочимъ и Восточный вопросъ, во многихъ отношеніяхъ интересуется весь міръ, такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы узнать, подчинится ли весь міръ экономическому господству Германіи и организациі ея культуры. Но онъ представляется довольно обширнымъ, если даже разсматривать его только съ частной, занимающей насъ здѣсь, точки зрѣнія.

Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ, можемъ мы безпристрастно и даже безъ намека на учиненныя злодѣйства сказать, напоминаетъ нашествіе варваровъ въ началѣ Среднихъ вѣковъ. Теперь, какъ и тогда, нѣмцы сѣверныхъ областей хотятъ дойти до береговъ Средиземнаго моря и править на его благословенныхъ берегахъ. Здѣсь они натываются на греко-латинскую цивилизацію; но полагая, что она закончила свою карьеру, они предлагаютъ продолжить ее и воображаютъ, что они такимъ путемъ служатъ прогрессу и эволюціи человѣческаго общества. А между тѣмъ, благодаря политическому упадку Ислама вообще и Турціи въ частности, греческая цивилизація, представляемая въ особенности Россіей, и латинская—въ особенности Франціей, начали снова захватывать въ свою власть свои историческія области и покореніемъ всего средиземноморскаго міра возстановлять ихъ глубокое

единство; въ этомъ отношеніи онѣ поддержаны были экономическимъ и умственнымъ могуществомъ наслѣдницы Египта и Индіи, Англіи. Такимъ образомъ, для задержанія варварства, оказались собранными въ одинъ рядъ всѣ человѣческія цивилизаціи, начиная съ самыхъ древнихъ.

Съ этого момента поле битвы приняло ни съ чѣмъ несравнимое величіе.

Шайка хищныхъ имперій грубой силы находится въ центрѣ картины и стремится проникнуть черезъ Балканы къ Царьграду; она реветъ и огрызается. А вокругъ нея, ея границы жестоко штурмуются арміями англичанъ, бельгійцевъ, французовъ, сербовъ и русскихъ, поджидающихъ, пока за эту же обязанность не возьмутся и другіе народы. Но въ тылу этихъ цивилизаторскихъ и освободительныхъ армій надо принимать во вниманіе всю Францію съ ея африканской имперіей и со всей мощью ея освободительнаго генія; Англію съ Египтомъ, Индіей и Персидскимъ заливомъ, со всею мощью ея промышленнаго генія и торговаго превосходства; Россію съ ея азіатской имперіей и колоссальными человѣческими массами, которыя хотя еще будучи наивными, уже кажутся прекрасно одаренными для требующихъ сердечности и братства дѣлъ.

Итакъ, этотъ взбудоражившій Европу конфликтъ зародился, слѣдовательно, на Востокѣ, на томъ необъятномъ полѣ битвъ, которое мы пытались окинуть однимъ взглядомъ.

Происхожденіе его извѣстно; онъ непосредственно исходитъ изъ балканскихъ событій 1913 года. Гордая своими побѣдами и удвоившая свои размѣры Сербія сдѣлалась не только непреодолимымъ препятствіемъ для австрійскаго натиска на Салоники, но и опасностью для цѣлости австро-венгерской монархіи, такъ какъ съ этихъ поръ стала центромъ притяженія для прочихъ сербовъ,

населяющихъ Боснію и Хорватію; тутъ дѣйствительно вопросъ шелъ о всей будущности политическаго и экономическаго вліянія нѣмецкихъ державъ на Средиземное море и Малую Азію.

Ничего не было удивительнаго въ томъ, что сараевское убійство эрцгерцога Франца-Фердинанда вызвало войну; къ этому не могло быть лучшаго предлога; и дѣла повелись рѣшительно. Черезъ мѣсяцъ, когда Берлиномъ и Вѣной приняты были всѣ мѣры, Сербія получила отъ австрійскаго правительства буквально неприемлемый ультиматумъ; тѣмъ не менѣе она, за исключеніемъ незначительныхъ чисто-формальныхъ оговорокъ, приняла его, но эти оговорки все же позволили Австріи порвать миръ. Разумѣется Россія, изъ чувства племенной и религіозной солидарности, вмѣшалась; пытаясь договориться, она все же начала мобилизацію своей арміи на австрійской границѣ. Вильгельмъ II попробовалъ повторить пріемъ 1909 года и адресовалъ русскому правительству требованіе остановить свою мобилизацію. Но Россія была готова; она не пошла на новое униженіе, и всемірная война разразилась.

Непосредственно заинтересованныя въ конфликтѣ балканскія государства заняли такія позиціи, которыя диктовались имъ логикой недавнихъ событій. Всѣ вмѣстѣ они держались на почвѣ Букарестскаго договора, такъ какъ по меньшей мѣрѣ, большинство ихъ, рѣшило удержать имъ балканское равновѣсіе. Такъ Румынія, вопреки узамъ, нѣкогда связывавшимъ ее съ нѣмецкими державами, прежде всего заявила, что будетъ соблюдать полный нейтралитетъ; она сознавала, что ничего не выиграетъ отъ австрійской побѣды, разъ эта послѣдняя обезпечитъ Австріи или, съ помощью ея, — Болгаріи господство на Балканахъ. Но въ то же время ей приходилось думать также и о возможномъ разгромѣ, а слѣдовательно и о распаденіи Австріи; и въ Румыніи образовалась могуще-

ственная національная партія, которая громко требовала присоединенія трансильванскихъ румынъ и завершенія Великой Румыніи. И при первыхъ русскихъ побѣдахъ, Румынія вѣроятно станетъ подъ ружье бокъ-о-бокъ съ русскими.

Греція въ началѣ была еще ближе къ соглашенію съ Тройственнымъ Согласіемъ, которому она обязана всеѣмъ, даже своимъ существованіемъ со временъ Наварина. Иногда она даже проявляла признательность за это.

По меньшей мѣрѣ въ 1913 году Греція завязала съ Сербіей самыя тѣсныя отношенія: отношенія братства по оружію противъ турокъ, а затѣмъ противъ болгаръ. Впрочемъ, между этими двумя государствами не могло быть никакихъ ни торговыхъ, ни расовыхъ столкновеній; со временъ Бухарестскаго мира у нихъ имѣются общія границы; кромѣ того, они связаны формальнымъ договоромъ, по которому они взаимно гарантируютъ ихъ владѣнія на основахъ вышеупомянутаго договора, въ особенности противъ ненадежной Болгаріи. Въ этомъ отношеніи они съ Румыніей образуютъ своего рода балканскій Тройственный союзъ.

Греки, подобно сербамъ и румынамъ, знаютъ, что все ихъ интересы на сторонѣ Тройственнаго Согласія. Для завершенія ихъ національнаго объединенія путемъ присоединенія всего, населеннаго греками Эгейскаго побережья, Греціи необходимо, чтобы Турція и ея нѣмецкіе союзники были разбиты. Поэтому ихъ выдающійся министръ Венизелосъ, которому Греція уже обязана присоединеніемъ Крита, Эпира и южной Македоніи, логично поступалъ, желая формально вступить въ союзъ съ Тройственнымъ Согласіемъ, чтобы добиться присоединенія Ионійскаго берега отъ параллели Дарданеллъ до параллели Родоса. Но онъ не получилъ одобренія короля Константина, зятя германскаго императора, который держался того мнѣнія, что разумнѣе всего соблюдать его двусмысленный нейтралитетъ.

Вполнѣ очевидно, что Болгарія съ начала войны своимъ поведеніемъ причинила Тройственному Согласію много ущерба, такъ какъ она съ самаго начала непріязненныхъ дѣйствій препятствовала вмѣшательству Греціи и Румыніи, а ея регулярныя вооруженныя шайки непрерывно угрожали безопасности салоникской желѣзнодорожной линіи, по которой Сербія получала свое военное снабженіе.

Правда, Болгарія была недовольна Букарестскимъ трактатомъ, который разбилъ ея грандіозныя замыслы владычества на Балканахъ. Неужели же ее слѣдовало вознаграждать за ея измѣну ея вчерашнимъ союзникамъ. Что бы тамъ ни было, недовольная или разочарованная, но она подчинилась министрамъ, симпатіи которыхъ склонялись на сторону австро-германцевъ, что и привело ее къ открытому разрыву съ Россіей и Тройственнымъ Согласіемъ.

Что касается Турціи, то она давно уже перешла на сторону нѣмцевъ; а такъ какъ она питаетъ полное довѣріе ко всему, что говорится въ Берлинѣ, министры же ея являются послушными исполнителями берлинскихъ приказовъ, то она была вполнѣ увѣрена въ нѣмецкой побѣдѣ, отъ которой ожидаетъ возрожденія всего своего древняго могущества. Когда ей стало извѣстно, что германцы заняли Бельгію, идутъ на Парижъ, остановили русское наступленіе въ Пруссіи, то она уже не могла удержаться отъ участія въ ихъ подвигахъ. Она, конечно, слышала о Марнскомъ сраженіи, но ей объяснили, что нѣмцы добровольно отошли отъ Парижа, чтобы покончить съ русскими и что они принудили французскія арміи слѣдовать за ними; для большей, впрочемъ, надежности нѣмецкіе офицеры, съ согласія Энверъ-паши, захватили въ Константинополѣ въ свои руки всю власть; они заставили турецкія суда бомбардировать русскіе черноморскіе порты, и Турція оказалась такимъ образомъ вмѣшанной въ войну.

Война эта въ частности для нея не была счастливой. Тѣмъ не менѣе она пыталась подъ нѣмецкимъ управленіемъ начинать колоссальныя предпріятія. Она задумывала захватить Кавказъ, забрать Карсъ, Батумъ, нефтяныя богатства Баку; одно время турецкій отрядъ завладѣлъ даже персидскимъ Тавризомъ и пробовалъ поднять противъ русскихъ тегеранское правительство. Но русскіе почти вслѣдъ затѣмъ взяли Тавризь и нанесли туркамъ такое пораженіе, что они были отброшены къ Эрзеруму.

На другомъ концѣ Турецкой имперіи англичане высадили войска въ глубинѣ Персидскаго залива, заняли Басру и готовились наступать на Багдадъ.

Но Турція самыя главныя свои надежды возлагала на походъ въ Египетъ. Оставшійся въ Константинополѣ хедивъ Аббасъ-Хильми заявилъ себя всецѣло преданнымъ идеѣ священной войны и объявилъ, что вернется въ Египетъ только за тѣмъ, чтобы изгнать изъ него англичанъ. Но объявленная султаномъ священная война не имѣла никакого успѣха, такъ какъ константинопольскіе султаны уже давно утратили всякое довѣріе въ долину Нила, а кое-какія войска, которыя удалось туркамъ довести до Суэзскаго канала, потерпѣли тамъ жалкое пораженіе.

По меньшей мѣрѣ Турція могла рассчитывать на помощь центральныхъ европейскихъ имперій. Онѣ протянули ей руку еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Огромная австро-венгерская армія въ 300.000 человѣкъ наводнила Сербію, взяла Бѣлградъ и оттѣснила сербовъ до центральнаго ядра ихъ горъ. Но сербы внезапно разбили эту огромную австро-венгерскую армію, отбросили ее за предѣлы своей страны и торжественно вступили въ Бѣлградъ. И туркамъ только издали пришлось полюбоваться на ободряющіе сигналы, которые расточали имъ ихъ, сами находившіеся въ затрудненіи, друзья. Надо думать, что начатая послѣ долгаго пере-

рыва вторая кампанія приведетъ къ такому же результату.

Кромѣ того Тройственное Согласіе надумало направить прямой свой ударъ на Дарданеллы и Константинополь. Вотъ гдѣ туркамъ нужна была особенная помощь. Неизвѣстно, когда и какъ взяты будутъ Дарданеллы и падеть въ руки союзниковъ Царьградъ. Но только мы знаемъ, что это событіе неминуемо, и потому теперь уже можно анализировать его характеръ и послѣдствія. Впрочемъ, оно подготовлялось уже два вѣка и будетъ только увѣнчаніемъ той исторической эволюціи, главныя фазы которой мы только-что прослѣдили. Взятіе Царьграда будетъ послѣднимъ явленіемъ, знаменующимъ конецъ Европейской Турціи и конецъ Оттоманской имперіи; оно освободитъ угнетенные народы и возвѣститъ начало возрожденія Востока.

II. Новый Востокъ.

Въ точности невозможно опредѣлить тѣ новыя политическія формы, которыя возникнутъ на развалинахъ Оттоманской имперіи, то-есть въ одной изъ самыхъ изумительныхъ и самыхъ чудесныхъ странъ міра, на средиземноморскомъ Востокѣ. Но изъ всего вышесказаннаго и по многимъ другимъ элементамъ соображенія можно придти къ тому заключенію, что будущее въ зародышѣ сокрыто въ минувшемъ, что противъ великихъ историческихъ теченій идти нельзя и что если опредѣлить эти данныя, то можно вычислить и прослѣдить тѣ главные пути, по которымъ послѣдуютъ событія. Такимъ образомъ мы не условія будущаго мира собираемся опредѣлять, а хотимъ только указать тѣ результаты, которые намъ представляются неизбѣжными, несмотря ни на какія превратности войны.

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ, которое уже обна-

ружилось изъ нынѣшней великой войны, представляется выяснившееся безсиліе Германіи, желавшей спасти и обновить турецкую имперію. Германія рассчитывала, что у константинопольскаго султана еще сохранилось достаточно престижа, чтобы поднять на священную войну весь мусульманскій міръ отъ Марокко до Персіи и до Индіи... Грубая ошибка. Оказывается, Германія не знала тѣхъ глубокихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ турецкая имперія во всѣхъ отношеніяхъ гнила уже триста или четырехъ лѣтъ.

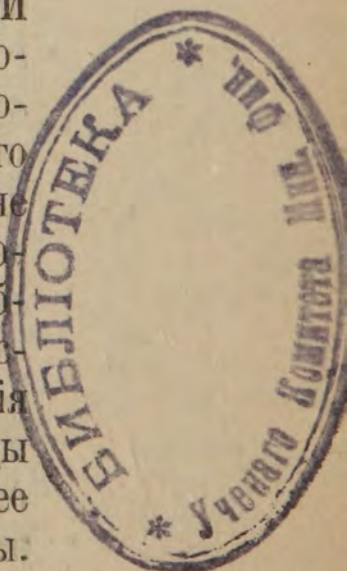
На этомъ трупѣ она закладывала фундаментъ своего собственнаго господства надъ Средиземнымъ моремъ. Что она завидовала богатымъ, столь прекраснымъ, по сравненію съ ея печальною туманною землею, странамъ, въ этомъ ничего нѣтъ неестественнаго. Но ея желанія больше не создаютъ права. На берегахъ Средиземнаго моря не мѣсто германскимъ варварамъ. Откройте любую этнографическую карту Европы, и на ней нельзя найти ни одного нѣмца на всемъ протяженіи этихъ береговъ, начиная отъ Гибралтара и до дальнихъ береговъ Чернаго моря. Самый принципъ народностей, которому Германія обязана своимъ происхожденіемъ и на которомъ она основываетъ свои притязанія, навсегда исключаетъ ее отъ доступа къ Средиземному морю. Ея «культура» не имѣетъ ничего общаго съ уроками средиземноморской цивилизаціи. «Чужіе и варвары». Средиземное море не для нихъ. Они всегда будутъ на немъ только постороннимъ тѣломъ, которое будетъ нарушать тамъ всю экономику; оно будетъ устраиваться безъ нихъ. Съ этимъ имъ слѣдуетъ примириться, — таковъ законъ исторіи, а онъ также могущественъ и ненарушимъ, какъ всякій законъ природы.

Поэтому сѣверная Африка останется французскою и будетъ расти Франціей, которая одна способна возжечь тамъ новый очагъ арабской и мавританской культуры. Договоромъ 4 ноября 1911 г. касательно Марокко, нѣм-

намъ еще предоставлены тамъ такія экономическія выгоды, которыя наносятъ ущербъ французамъ; но съ открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій, германцы и австрійцы оттуда были выселены, а ихъ имущества секвестрированы. Марокко должно быть окончательно обеззаражено отъ этой чумы. Въ то же самое время беззавѣтные храбрецы, марокканцы, въ большомъ количествѣ вступили въ армію своей новой метрополи и обновили въ ней и ежедневно продолжаютъ обновлять тѣ подвиги, которыми уже сто лѣтъ славится французская африканская армія. Ихъ кровь, проливаемая вмѣстѣ съ французской, закончитъ сліяніе ихъ края въ одну общую родину.

А рядомъ съ Франціей Италія найдетъ въ своей Киренаикѣ, или Триполитаніи многозначущее воспоминаніе о греческой и римской цивилизаціи.

Египетъ, подъ либеральной опекой Англіи, будетъ продолжать свое изумительное воскрешеніе, къ которому за послѣдніе сто лѣтъ будили его Бонапартъ, Фердинандъ Лессепсъ и великіе французскіе египтологи. Такимъ образомъ онъ освободится отъ послѣднихъ слѣдовъ турецкаго владычества. Его хедивъ, Аббасъ-Хильми, за содѣянную имъ ошибку смѣшать свои задачи съ задачами константинопольскихъ и прочихъ варваровъ, уже низверженъ съ трона и замѣщенъ султаномъ Хуссейномъ-Камилемъ. И Каиръ возведенъ въ рангъ столицы имперіи. Константинопольскій же султанъ, даже религіозный авторитетъ котораго уже погибъ окончательно, благодаря неудачѣ его «священной войны», потеряетъ свой титулъ Калифа, не будетъ больше «командоромъ правовѣрныхъ»; и несомнѣнно, въ скоромъ времени настанетъ возрожденіе арабскаго калифата, въ ореолъ всѣхъ прославленныхъ воспоминаній о временахъ Багдада и Дамаска до появленія турокъ. На эти, столь изумительно одаренные, народы Леванта, когда они навсегда стряхнутъ съ себя загубившее ихъ ярмо варваровъ, можно возлагать блестящія надежды.

Англія, помимо Египта, укрѣпитъ свою власть надъ Аравіей и Месопотаміей. Между Средиземнымъ моремъ и Индіей у нея будетъ не одна узкая и ненадежная лента Суэзскаго канала, но цѣлая широкая дорога, отъ границъ Триполитаніи до Персіи; настоящія пропилеи ея Индійской имперіи. И подобно тому, что она создала на берегахъ Ганга и Инда, въ Дэли, Бенаресѣ и Лагорѣ, подобно тому, что она создаетъ въ Каирѣ, она воскреситъ также и Багдадъ, можетъ быть Ниневію и Вавилонъ, Сузы и Персеполисъ. Она пробудитъ къ жизни все это великое историческое и экономическое прошлое.

Франція въ Сиріи и Палестинѣ безъ особаго усилія изгладитъ мимолетныя слѣды пребыванія тамъ кайзера. Она съ еще большимъ прилежаніемъ возвратится къ культу своихъ тысячелѣтнихъ традицій. Духъ ея царитъ тамъ со временъ Крестовыхъ походовъ. Благодаря режиму Капитуляцій, благодаря своимъ коммерсантамъ, своимъ гражданскимъ и духовнымъ школамъ, она развивала тамъ эти свои способности даже при туркахъ. Она ревностно примется тамъ за свои интересы; и ея союзники ей въ этомъ отношеніи окажутъ свою помощь. Она прочно укрѣпится на всемъ этомъ берегу, отъ Портъ-Саида до Александретты; подъ ея правленіемъ обновится единство прекрасной области Ливана, которому она уже въ 1860 году обезпечила благотворный строй. А такъ какъ она лучше всѣхъ умѣетъ пробуждать усыпленные расы—чему примѣръ Греція, Италія, Румынія, Египетъ и пр.,—такъ какъ она, можно сказать, подлинная акушерка цивилизацій, то она вернетъ и Леванту всѣ его способности къ развитію. Съ этого берега въ древнія времена начиналась сухопутная торговая дорога на Индію и Китай; этому обязаны были своимъ процвѣтаніемъ Тиръ и Сидонъ. Тиръ взятъ былъ Александромъ Великимъ, но и послѣ этого онъ еще полторы тысячи лѣтъ оставался отправной точкой этихъ сообщеній; тогда это была главная дорога всемірной

торговли. Нужно было быть турками, чтобы ее оборвать; но ее откроют снова. Необходимо, чтобы съ французскаго берега Сиріи немедленно проведены были желѣзнодорожные пути отъ Бейрута на Дамаскъ и вдоль Евфрата на Багдадъ и тогда въ этомъ горнилѣ всемірной исторіи осуществится мысль Бонапарта и сольется съ воспоминаніями объ Александрѣ Великомъ и тирскихъ купцахъ.

* *
*

Высокая гряда Тавра во всѣ времена служила гранью народовъ и интересовъ. И нынѣ она отчетливо отдѣляетъ расположенныя къ югу отъ нея арабскія племена отъ живущихъ на сѣверѣ тюркскихъ народовъ. Всѣ воды этихъ горъ, за исключеніемъ истоковъ Евфрата, ниспадаютъ, подобно всѣмъ русскимъ водамъ, въ Черное море, а Черное море должно быть и въ большей своей части уже есть Русское море. Таково указаніе самой природы.

Если внимательно всмотрѣться въ національныя формации этихъ возвышенныхъ нагорій Малой Азіи, то, начиная съ востока по направленію на западъ, встрѣчаютъ Арменію, Анатолію и Іонійскій берегъ. Арменія, благодаря своимъ обрывистымъ горамъ, въ теченіе вѣковъ сохранила, не взирая на всѣ приступы мусульманъ и на всѣ избіенія, свою бѣлую расу и свою христіанскую вѣру. На наибольшемъ своемъ пространствѣ она уже русская, ибо вершина Арарата и нынѣ является пограничнымъ столбомъ между Персіей, Россіей и Турціей. Арменія окончательно вступитъ въ великую христіанскую семью, она будетъ твердыней у истоковъ рѣкъ, орошающихъ мусульманскія страны.

Истинная и единственная область оттоманскихъ турокъ, предѣлы, въ которыхъ они должны быть заключены, это—анатолійское плоскогоріе между Коніей и Сивасомъ въ долинѣ верховьевъ Физиль-Ирмака, который течетъ къ Синопу. Будучи окружены этими пустынями, они зани-

мають тамъ такое же положеніе, какъ ихъ братья туркмены къ востоку отъ Каспія, въ долинахъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи. Города Ангору, Конію и Сивасъ нужно мысленно сблизить съ городами Туркестана, съ Бухарой и Хивой. Оттоманскимъ туркамъ надлежитъ раздѣлить участь всѣхъ турокъ: они должны войти въ составъ русской имперіи и русской арміи. Ихъ воинственные качества развернутся тамъ съ неменьшимъ блескомъ, но съ бѣльшей пользой, чѣмъ подъ командой нѣмецкихъ инструкторовъ. Для османлисовъ это будетъ почетнымъ концомъ ихъ карьеры.

Русскіе, между тѣмъ, проложатъ черезъ ихъ края, подобно тому, какъ они это сдѣлали въ Туркестанѣ, тѣ огромныя линіи желѣзныхъ дорогъ, которыя уже начали придавать имперіи экономическое оживленіе и благодаря которымъ вся ихъ страна такъ же изумительно преобразуется, какъ новыя области Америки. Французскія общества уже получили концессіи на постройку главныхъ отвѣтвленій багдадской дороги. И на картѣ уже намѣченъ широкій планъ экономическихъ предпріятій. Прежній нѣмецкій путь, перейдя въ лучшія руки, пойдетъ изъ Царьграда въ Багдадъ; а другой русскій желѣзнодорожный путь отъ Одессы и Синопа тоже направится черезъ Діарбекирь въ Багдадъ; и наконецъ еще одна безпересадочная линія Москва-Баку пойдетъ на Тегеранъ, къ Персидскому заливу и Индіи.

Какая мощная дѣятельность возродится во всѣхъ странахъ, которыя нѣкогда, до нашествія турецкихъ варваровъ, были главными рынками стараго свѣта!

Начавшаяся погоня за мѣстомъ на побережьи почти соотвѣтствуетъ естественному порядку вещей.

Тогда Италія, въ поискахъ возможныхъ пріобрѣтеній, — а въ интересахъ средиземноморского равновѣсія она тоже должна ихъ имѣть, — вспомнить, что Римская имперія обладала въ этихъ краяхъ Азіатской провинціей, и пожелаетъ исправить исторію прошлаго. Хотя и не по праву, но въ

дѣйствительности она уже три года, со времени Триполитанской войны, владѣетъ Родосомъ и дюжиной острововъ вдоль побережья, именуемыхъ Додэканѣзами. Отсюда она захочетъ вступить на твердую землю, и хотя опять-таки не по праву, но она питаетъ претензіи на близлежащій берегъ, древнюю Лидію или древнюю Киликію въ окрестностяхъ порта Адаліи. Откуда она можетъ проложить вѣтвь до магистрали Царьградъ—Багдадъ, которая въ этомъ мѣстѣ приблизится къ берегу.

Греція въ погонѣ за своей «великой идеей», то-есть за завершеніемъ своего національнаго объединенія путемъ соединенія всѣхъ странъ съ греческимъ языкомъ, требуетъ себѣ, разумѣется, весь іонійскій берегъ отъ Родоса до Дарданеллъ. Венизелосъ, въ бытность свою первымъ министромъ, добился, какъ извѣстно, отъ Тройственнаго Согласія именно такого обѣщанія взаимнѣ формальнаго союза. Король Константинъ не захотѣлъ за нимъ послѣдовать и отрѣшилъ его отъ власти. Поэтому теперь неизвѣстно, слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что аѳинское правительство ничего себѣ не попроситъ и удовольствуется своими послѣдними приобрѣтеніями въ Македоніи. Нельзя быть грекофилами, болѣе самихъ грековъ; и если впредь они будутъ довольствоваться тѣмъ, что имѣютъ, то на это ихъ соперники жаловаться не будутъ.

Относительно всѣхъ этихъ недостаточно опредѣленныхъ положеній необходимо замѣтить, что во время послѣдующихъ переговоровъ принесшія огромныя жертвы державы-побѣдительницы установятъ очевидно тотъ принципъ, что всѣ выгоды должны быть соразмѣрными съ понесенными жертвами. Нейтральныя державы несомнѣнно, какъ выразился недавно одинъ извѣстный дипломатъ, храбро примчатся на помощь побѣдителямъ; но возможно, что онѣ явятся слишкомъ поздно или же, не выйдя во время, второпяхъ споткнутся.

Есть поговорка, которая подтверждается всею мудростью

народовъ: «Кто ничѣмъ не рискуетъ, ничего и не получаетъ».

Она въ точности приложима къ балканскимъ государствамъ. Законъ національностей тамъ очень опредѣленный. Болгаріи онъ предназначаетъ большую часть Македоніи и Фракію; Сербіи—Боснію-Герцеговину и, пожалуй, Хорватію; Румыніи—Трансильванію, часть Буковины и Бессарабіи. Но текуція обстоятельства могутъ внести сюда извѣстныя измѣненія.

Есть еще одинъ принципъ, который твердо будетъ поддержанъ побѣдителями, а именно: нельзя допускать, чтобы балканскія государства сохранили свою взаимную разобщенность и благодаря этому оставались благопріятнымъ полемъ дѣятельности для австрійскихъ и германскихъ козней. Тройственное Согласіе, въ особенности же Россія, уже начала работать надъ созданіемъ балканской Конфедераціи, которая представляетъ собою единственное средство обезпеченія независимости каждаго отдѣльнаго, входящаго въ ея составъ, государства.

Ибо не слѣдуетъ забывать того, что всѣ безъ исключенія эти государства—Черногорія, Сербія, Греція, Румынія и, наконецъ, Болгарія—обязаны ей своимъ существованіемъ; вслѣдствіе этого только она одна въ состояніи обезпечить имъ полную свободу, а тѣ усилія, которыя она прилагаетъ для ихъ объединенія, являются лучшимъ доказательствомъ ея безкорыстія. Не слѣдуетъ пугаться перспективы необъятной русской имперіи, съ подавляющими всѣхъ ея сосѣдей размѣрами. Какъ доказывается примѣромъ возстановленія Польши, Русская имперія, будучи слишкомъ обширной, чтобы управляться однообразными законами, приближается понемногу къ преобразованію своему на принципѣ національныхъ самоуправленій; подобно тому, какъ нѣкогда организовался изъ многихъ націй латинскій міръ, изъ котораго потомъ образовалась Франція, Италія и Испанія. Именно этотъ законъ родился

изъ уроковъ французской революціи. Чтобы тамъ ни думали нѣмецкіе ученые, а это главное условіе развитія всѣхъ экономическихъ и политическихъ ресурсовъ всѣхъ свободныхъ народовъ.

III. Кому Царьградъ и проливы?

Этотъ вопросъ уже отнынѣ поставленъ предъ общественнымъ мнѣніемъ; и, чтобы потомъ не вышло сюрприза, по поводу его должны быть высказаны всѣ аргументы; ибо дѣло касается одного изъ величайшихъ событій всемірной исторіи. Объ его значительности можно судить по событію 1453 г.

Нечего и думать, чтобы оставить Царьградъ туркамъ, это было бы равносильно размѣщенію тамъ нѣмецкаго гарнизона.

Говорили о томъ, чтобы создать изъ него международный городъ, и въ примѣръ приводили Танжеръ и Шанхай. Не говоря уже о томъ, что организацію Танжера довольно трудно опредѣлить, а Шанхай—городъ вполнѣ китайскій, развѣ можно сравнивать съ ними Царьградъ? Возможно ли изгладить, при помощи какой-то сложной международной комбинаціи, все его прошлое, всѣ его славныя политическія и религіозныя традиціи, всѣ его столь характерныя монументы? Можно ли изгладить всю его исторію? Это было бы тщетнымъ усиліемъ, которое не привело бы ни къ чему. Подобное рѣшеніе не удовлетворило бы никакихъ заинтересованныхъ сторонъ, было бы только временнымъ, только раздражало бы противоположныя притязанія, возбуждало бы новые конфликты. Великая война требуетъ великихъ рѣшеній.

Если бы только остановились на этомъ неудачномъ рѣшеніи и поставили бы Царьградъ, подобно какому-то Галацу, — если бы только это было возможно, — подъ управленіе какой-нибудь международной комиссіи, то

какія бы это породило свары, интриги, — какое глухое соперничество! Положеніе весьма благопріятное для разныхъ подозрительныхъ подвоховъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ можно ожидать отъ Германіи, которая не такъ скоро откажется, конечно, отъ своихъ грандіозныхъ замысловъ!

Поэтому также Царьградъ не можетъ стать ни болгарскимъ, ни греческимъ. Царьградъ въ рукахъ грековъ или болгаръ былъ бы еще опаснѣе для русскихъ и ихъ союзниковъ, чѣмъ если бы онъ находился въ рукахъ султана. Такъ какъ къ чему послужать тогда всѣ успія изгнать изъ него турокъ, разъ Греція и Болгарія въ дружбѣ съ Германіей?

Впрочемъ, греческая или балканская имперія, съ Царьградомъ въ качествѣ столицы, естественно и исторически возымѣетъ самые притязательные виды на весь Левантъ и можетъ стать опасной для прочихъ, основавшихся въ этихъ мѣстахъ, государствъ.

Въ рукахъ же русскихъ Царьградъ не станетъ столицей. Историческій и экономическій центръ Россіи находится около Москвы или Кіева, а ея стремленія притягиваютъ ее въ Центральную Азію (!). Она не вырветъ своихъ корней; не сдѣлаетъ изъ Царьграда императорской резиденціи. Онъ будетъ для нея, безъ всякой игры словъ, только воротами; величественными воротами, достойными ея огромной и славной судьбы, великолѣпными Пропилеями.

Сюда влекутъ ее всѣ ея традиціи, всѣ права, всѣ интересы. Въ этомъ, по недавнему выраженію высокой русской особы, ея главная, завѣщанная предками, задача, истинная награда, которую русскіе ждутъ отъ великой войны. Они получили изъ Царьграда православіе; онъ — алтарь ихъ вѣры; и если они чтутъ воспоминаніе о бракѣ Софіи Палеологъ съ ихъ царемъ Иваномъ III, то потому, что въ немъ нашла себѣ выраженіе одна изъ старѣйшихъ русскихъ традицій, одинъ изъ священнѣйшихъ завѣтовъ

русской души, въ немъ воплотилось ихъ историческое право. Но къ этимъ традиціоннымъ, прославившимъ смѣло провозгласившую ихъ Екатерину II, правамъ присоединяются еще и жизненные интересы Россіи. Она задыхается въ Черномъ морѣ, за этими проливами, которыми сковали ее въ 1841 году и держатъ скованной до сихъ поръ. Она мощно развила свои земледѣльческія богатства въ плодородныхъ черноземныхъ областяхъ; она начинаетъ пріобрѣтать тамъ также и крупные промышленные интересы. Разработка нефти на Кавказѣ является въ числѣ ихъ самой крупной отраслью. Для всѣхъ этихъ ресурсовъ, составляющихъ главное богатство Имперіи, нужны надежные выходы. Съ начала войны Россія не можетъ вывезти своихъ зерновыхъ запасовъ...

Черное море стало русскимъ озеромъ. Оно русское почти на всемъ протяженіи своихъ береговъ; оно служитъ живымъ фасадомъ великой страны. Россіи надо имѣть ключъ отъ своего дома. Это чувство ощущается народной душой безъ различія классовъ, но въ особенности народомъ. Царьградъ нуженъ для полной независимости и для необходимаго величія Россіи.

А какъ же, скажутъ, Румынія? Но положеніе Румыніи на Черномъ морѣ не можетъ идти и въ сравненіе съ положеніемъ Россіи; ея выходы на это море и безъ Царьграда могутъ быть закрыты несравненно болѣе сильной Россіей; выходы же ея черезъ проливы могутъ быть также незатруднительны подъ русскимъ правленіемъ, какъ и подъ турецкимъ.

Впрочемъ Россія, конечно, и не откажется гарантировать свободный проходъ черезъ проливы; она даже одна, благодаря своей могущественности, можетъ это гарантировать... Пускай учредятъ въ Галатѣ ¹⁾ французскій, англійскій или греческій кварталъ съ широкими муници-

¹⁾ Галата—торговая часть Царьграда.

пальными полномочіями. На это она повидимому пойдёт; она пойдёт навстрѣчу всякимъ законнымъ требованіямъ, только бы ей дали возможность выходить изъ своего дома, когда ей угодно, подобно прочимъ великимъ державамъ; только бы у нея была свобода дѣйствій.

Можно быть увѣреннымъ, что она всею своею волей и всею своею мощью присоединится къ подобному рѣшенію, будетъ за него благодарна своимъ друзьямъ. Замѣтимъ мимоходомъ, а что если побѣжденная Германія, изъ ненависти къ Англіи, предоставитъ Царьградъ Россіи (вещь допустимая, хотя онъ ей и не принадлежитъ), а Англія или Франція воспротивятся этому, что тогда будетъ съ Тройственнымъ Согласіемъ?

Но Тройственное Согласіе не откажетъ Россіи въ Царьградѣ. Англія и Франція помогаютъ его взять, какъ, впрочемъ, Россія сама помогаетъ (Карпаты и Восточная Пруссія) повергнуть общаго врага.

Сэръ Эдуардъ Грэй уже заявилъ, что Англія сочувствуетъ желанію Россіи утвердиться въ Константинополѣ. Дѣло сводится къ тому, чтобы предоставить Россіи въ сѣверо-восточной части Средиземнаго моря такое же положеніе, какимъ пользуется Англія въ юго-восточномъ его углу. Благодаря Александріи и Портъ-Саиду, Англія владѣетъ надежными путями въ Индійскій океанъ и къ своей Индійской имперіи; а благодаря Дарданелламъ и Босфору, Россія будетъ владѣть надежнымъ путемъ въ Черное море къ своей сѣверной имперіи. Сходство между выгодами, которыхъ могутъ добиться эти великія державы цѣною общихъ жертвъ, поразительно и убѣдительно.

Но не явится ли Россія на Средиземномъ морѣ соперницей какъ Англіи, такъ и Франціи? Не больше, чѣмъ эти послѣднія будутъ ея соперницами. Впрочемъ, не трудно убѣдиться, что между экономическими цѣнностями Англіи или Франціи и Россіи не столько замѣчается соперничества, сколько гармоніи. Франція и Англія, каждая

по своему, но обѣ старыя націи, уже достигшія такого промышленнаго развитія, что надолго обезпечили за собою неоспоримое техническое превосходство. Россія же представляет собою еще молодой новый міръ съ большой земледѣльческою производительностью, который еще долго будетъ нуждаться въ машинахъ, инструментахъ и всевозможныхъ мануфактурныхъ произведеніяхъ заграницы; къ этому необходимо добавить, что у нея нѣтъ продуктовъ тропическаго пояса, и ихъ ей будутъ поставлять англійскія и французскія колоніи; такимъ образомъ между державами Тройственнаго Согласія возможенъ выгодный для нихъ всѣхъ троихъ товарообмѣнъ.

Но, какъ мы раньше упоминали, Франція въ теченіе долгихъ вѣковъ пользовалась экономическимъ и моральнымъ господствомъ въ Левантѣ; онъ былъ «лучшей изъ ея колоній», и одинъ изъ завѣтовъ ея національной политики заключался въ закрытіи доступа къ нему Россіи. Такъ было при короляхъ и при императорахъ, по меньшей мѣрѣ, вплоть до Крымской кампаніи. Турція была основною частью ея «Восточнаго барьера», который прикрывалъ ее какъ отъ австрійской династіи, такъ и отъ посягновеній Россіи.—Это вѣрно. Но раньше Франція пользовалась въ Левантѣ подлинной монополіей торговли и моральнаго вліянія; у нея была своя средиземноморская имперія, и ей могло не нравиться дѣлиться тамъ съ кѣмъ бы то ни было. Но времена измѣнились, и не столько благодаря пережитымъ ею за послѣдніе сто лѣтъ невздамъ, сколько въ виду выступленія въ странахъ Востока новыхъ силъ. Теперь приходится, на примѣръ, считаться съ Англіей и Италіей, а вчера еще—съ Австро-Венгріей и Германіей, а въ будущемъ можетъ быть еще и съ Греціей. Она не можетъ больше проводить здѣсь политику имперіализма, а только—равновѣсія. Чтобы при ея скрытыхъ еще ресурсахъ обезпечить здѣсь и развить свое могущество и надлежитъ обратиться за помощью къ

тѣмъ, которые въ состояніи замѣнить выдохшуюся Турцію.

Турція предалась злѣйшимъ врагамъ Франціи, опаснѣйшимъ противникамъ ея культуры и ея генія. Впрочемъ, Турція приговорена къ смерти, и на ней ничего невозможно основывать. Поэтому планамъ французской политики нужно придать инныя формы. Петръ Великій двѣсти лѣтъ тому назадъ предлагалъ ей занять мѣсто Швеціи. Но тогда Франція не могла принять этого предложенія. Нынѣ положеніе совершенно иное. Россія можетъ и должна замѣстить Турцію; надо снова, но подъ новой, требуемой обстоятельствами, формой возвратиться къ политикѣ Франсуа I, то-есть къ традиціонной политикѣ всей французской исторіи: нѣкогда, въ отвѣтъ на угрозы имперіи Карла-Винта, французскіе короли вступили въ союзъ съ константинопольскими султанами; нынѣ же, предъ нѣмецкой опасностью, которая минуетъ не такъ скоро, Франціи необходимо быть въ союзѣ съ русскими, которымъ необходимо утвердиться въ Царьградѣ, дабы, осуществляя свои національныя чаянія, они имѣли лучшую возможность помогать своимъ союзникамъ.

Въ этомъ видѣ франко-русскій союзъ будетъ имѣть такое же долгое и прекрасное существованіе, какъ и прежній франко-турецкій союзъ. Онъ будетъ всемогущимъ на всемъ Средиземномъ морѣ; онъ въ состояніи будетъ уравнивать какое угодно иное дипломатическое сочетаніе, хотя бы это былъ англо-итальянскій союзъ. Онъ обезпечитъ отъ Марсея до Одессы и до Батума такія дѣловыя сношенія, которыя расширятъ французскій рынокъ до глубины центральной Азіи и напомнятъ и возобновятъ прежнее французское преобладаніе на порогахъ Леванта. Этотъ союзъ займетъ первое мѣсто въ судьбахъ Франціи, а такъ какъ онъ въ то же время осуществитъ и чаянія Россіи, то, являясь гарантіей интересовъ обоихъ союзниковъ, будетъ сильнымъ и несокрушимымъ.

На празднествахъ въ Тильзитѣ, въ 1807 году, когда Наполеонъ и Александръ I пробовали проявить свой союзъ, они оба казались владыками міра; одинъ Западнымъ, а другой — Восточнымъ. Но это такъ только казалось. Наполеонъ не желалъ дѣлить міровой имперіи и не могъ тогда отдать Россіи турокъ. Мы же можемъ и должны осуществить эту задачу равновѣсія. У Республики нѣтъ имперіалистическихъ притязаній, а Турція перешла на сторону враговъ, или умерла. Осуществимъ же настоящій Тильзитъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ 1822 году, Священный Союзъ собрался на конгрессъ въ Веронѣ. Тамъ былъ и Александръ I, а Франція представлена была Шатобрианомъ; этотъ послѣдній завороченъ былъ рейнскимъ вопросомъ. Завоеваніемъ естественныхъ границъ онъ навсегда хотѣлъ обезпечить престижъ возстановленной королевской власти. Только подобнымъ поэтамъ приходятъ въ голову разумныя мысли. Онъ понравился Александру I. «Только одна держава въ мірѣ,—говорилъ онъ,—можетъ обезпечить нашу границу по Рейну; это—Россія». Взаимнъ же этого онъ допускалъ развитіе русскаго вліянія на Востокъ. Это тоже былъ настоящій, честный Тильзитъ. Надо пользоваться этими уроками Имперіи и Королевства. Чтобы обезпечить Франціи ея окончательную безопасность и возстановить ея многовѣковыя, отъ Галліи до Революціи, традиціи, ей необходима граница по Рейну. Эта національная грань обезпечитъ французскому генію всю ту свободу и всю полноту развитія, на которыя онъ способенъ въ интересахъ же человѣчества.

Воздвигнемъ франко-русскій союзъ на такую двойную базу: Франція—до Рейна, Россія—до Карпатъ и низовьевъ Вислы и до Босфора и Дарданеллъ. Основанная на союзѣ съ турками система «Восточнаго барьера» въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ позволяла Франціи держать на почтительномъ разстояніи Священную имперію и достигнуть Рейна. И

Франко-русскій союзъ, этотъ новый Восточный барьеръ, вернетъ Франціи Рейнъ, въ теченіе новыхъ, если потребуется, трехъ сотъ лѣтъ позволить Франціи окончательно сокрушить Германію и выйти на свой прежній путь великихъ предначертаній. Таковы тѣ ясныя формулы, которыя подсказываются французской политикѣ традиціями прошлаго, обстоятельствами и надеждами въ будущемъ.

Турецкое варварство за свой позоръ пятивѣковыхъ раззореній низвергнуто; нѣмецкое варварство отгѣснено, раздавлено и не въ состояніи впредь угнетать эволюцію освобожденныхъ народовъ; возрожденіе блестящихъ или мирныхъ цивилизацій, задушенныхъ соединенными усиліями и грубой силой этихъ варваровъ; возрожденіе Египта, Сиріи, Аравіи, Месопотаміи и Арменіи. Земельное завершеніе Греціи, Сербіи, Румыніи и можетъ быть Болгаріи; возстановленіе греко-византійской цивилизаціи, готовой продолжать свою, прерванную пять вѣковъ тому назадъ турецкимъ нашествіемъ, изумительную дѣятельность; сближеніе навсегда Рима и Царьграда, Парижа и Москвы; исчезновеніе розни между греками и латинянами дабы возсоздать единство средиземноморской цивилизаціи...

Книжный Магазинъ б. МЕЛЬЕ и Ко.

Петроградъ, Невскій просп., № 20.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

А. М. Горовцевъ.

Приватъ-доцентъ Петроградскаго Университета.

ЗАКОНЫ ВОЙНЫ.

(Война и право).

Издание второе, съ приложеніемъ Гаагской Конвенціи 1907 г. о законахъ и обычаяхъ войны и Лондонской Декларациі 1909 г. о правѣ морской войны.

Цѣна 80 коп.

П. Х.

В О Ю Ю Щ А Я Г Е Р М А Н І Я.

Комментарій къ Германской бѣлой книгѣ. Переписка ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА съ королемъ Георгомъ V. Агитація печати, германскаго правительства и лично Вильгельма II Ген. Мартосъ. Нѣмецкая соціалъ-демократія. Германскій военный заемъ. Разгромъ Бельгіи по нѣмецкимъ даннымъ и др.

Цѣна 80 коп.

ТА К Ъ Г О В О Р И Т Ъ Г Е Р М А Н І Я.

Подлинныя нѣмецкіе документы и изреченія о германскихъ замыслахъ и поступкахъ. Съ предисловіемъ аббата Ветэрле (бывш. депутата Рѣйхстага отъ Эльзаса).

Цѣна 1 руб.

А. Г—въ.

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Германизмъ и Славянство. Условія міра.

Цѣна 40 коп.

„БЕЛЬГІЙСКІЙ СБОРНИКЪ“

подъ ред. М. ГАРТЕВЕЛЬДА.

При участіи: Ал. Блока, Вл. Пяста, Дмитрія Цензора, Маріи Моравской, Дмитрія Крючкова, Рюрика Ивнева, С. Третьякова и др.

40% валового дохода поступаютъ въ пользу разоренной Бельгіи.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Страницы Славы Бельгійской Арміи.

Боевые подвиги бельгійцевъ за 1914 г. съ 4 планами мѣстныхъ дѣйствій.

Издатель Н. М. Лаговъ.

Издано, съ особаго разрѣшенія бельгійскаго Военнаго Министерства въ пользу бельгійскихъ бѣженцевъ въ Россіи.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Книжный Магазинъ б. МЕЛЬЕ и Ко.

Петроградъ, Невскій просп., № 20.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

**ВОЕННЫЙ
РУССКО-НѢМЕЦКІЙ КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ**

съ приложеніемъ таблицъ германскихъ и австрійскихъ
монетъ, мѣръ и вѣса.

Цѣна въ переплетѣ 45 коп.

**ОТЪ КАРПАТЪ ДО БУДАПЕШТА
ВЕНГЕРСКО-РУССКІЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ**

съ картой страны и планомъ Будапешта.

Сост. Н. М. Лаговъ.

Цѣна 85 коп.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ

съ приложеніемъ Краткой Грамматики нѣмецкаго языка.
XXVIII и 351 стр. около 30.000 словъ.

Цѣна въ мягкомъ коленкор. переплетѣ 1 руб.

**КНИГА ЛЖИ.
ГЕРМАНСКАЯ БѢЛАЯ КНИГА**

о возникновеніи русско-германо-французской войны.

Полный переводъ.

2-ое изданіе. Цѣна 50 коп.

СѢРАЯ КНИГА.

Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до
войны 1914 г. (24 іюля—29 августа).

Цѣна 50 коп.

СИНЯЯ СЕРБСКАЯ КНИГА.

Диплом. переписка, относ. къ войнѣ 1914—15 гг. Ц. 50 к.

КРАСНАЯ АВСТРІЙСКАЯ КНИГА.

Диплом. документы и пр. Цена 1 руб. 25 коп.

ЗЕЛЕНАЯ ИТАЛІАНСКАЯ КНИГА.

Диплом. документы и пр. Цѣна 1 р. 40 к.

Складъ изд. въ Книжн. Магаз. б. Мелье и К-о. (Птгр. Невск. пр. 20).

Цѣна 65 коп.

3/10